

Когда судьба зовет,
легенды оживают

ЛИСЬЯ ТЕНЬ

Автор бестселлеров The New York Times

ДЖУЛИ КАГАВА

Джули Кагава
Лисья тень
Серия «REBEL»
Серия «Лисья тень», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68285908

Лисья тень : [роман] / Джули Кагава: Popcorn Books; Москва; 2020

ISBN 978-5-6045426-1-3

Аннотация

Раз в тысячу лет Великий Дракон является смертному, чтобы исполнить его самое заветное желание. Раз в тысячу лет мир ждет перемены – к добру или к худу, решать тому, у кого в руках Свиток тысячи молитв.

Воспитанная монахами в далеком храме Тихих Ветров, Юмеко всю жизнь училась тому, как скрывать свою сущность ёкая. Наполовину кицунэ, наполовину человек, свой талант по сотворению иллюзий она использует только для мелких проделок. Но когда на храм нападают полчища демонов, Юмеко вынуждена отправиться в опасное путешествие, чтобы защитить фрагмент древнего свитка.

Только она не единственная, кому нужна эта драгоценная реликвия. Каге Тацуми, загадочный самурай Клана Тени, тоже охотится за свитком. И он пойдет на все, лишь бы его найти.

Содержание

Часть первая	6
1. Истоки и пределы	6
2. Лиса в храме	28
3. Воин Тени	48
4. Чай у Тануки	78
5. Демоны в бамбуковых зарослях	95
6. Пламя отчаяния	101
7. Неожиданное предложение	120
8. Два путника	130
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Джули Кагава

Лисья тень

Julie Kagawa

SHADOW OF THE FOX

Copyright © 2018 by Julie Kagawa

Cover art: Jenue (mask); Shutterstock (background)

Cover design: Mary Luna

© Александра Самарина, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books,
2021

Дизайн обложки: Екатерина Климова

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

* * *

Посвящается Мисе. Спасибо за все, мой сенсей.

Часть первая

1. Истоки и пределы

Дождь лил и в тот день, когда Суюки впервые переступила порог Дворца Солнца, и в ту ночь, когда ее не стало.

– Ты, что ли, новая служанка? – спросила женщина с узким, худым лицом, смерив девушку неласковым взглядом.

Суюки дрожала с головы до пят, дождевая вода ледяными струйками бежала по спине, капала с волос прямо на роскошный деревянный паркет. Старшая горничная фыркнула.

– А ты отнюдь не красавица, как я погляжу. Впрочем, это неважно: прошлая служанка госпожи Сатоми была прекрасна, как бабочка, но умом не блистала, – поведала она и склонилась к девушке, прищурившись. – Скажи-ка мне вот что. Поговаривают, что в лавке твоего отца именно ты заправляла всеми делами. Ты и впрямь девчонка неглупая? Или один ветер в голове, как у той, что была до тебя?

Суюки прикусила губу и опустила глаза. Она правда почти весь год помогала отцу. Будучи единственным ребенком знаменитого мастера флейт, она часто обслуживала покупателей, пока он изготавливал новый инструмент – отец обыкновенно ничего не ел и ни с кем не разговаривал, пока не завершал начатое. Суюки умела читать и считать не хуже любого мальчишки, но по законам того времени не могла унаследовать отцовское дело и обучиться его мастерству. Мура Акихито до сих пор пребывал в добром здравии, но с годами его проворные пальцы огрубели от кропотливой работы. Отец решил не выдавать Суюки замуж и употребил свое весьма скромное влияние на то, чтобы устроить дочь прислугой в императорский дворец, рассчитывая, что там о ней позаботятся, когда его не станет. Суюки очень тосковала по дому и часто гадала, как там отец без нее, но понимала, что такова его воля.

– Не знаю, госпожа, – прошептала она.

– Пф-ф. Ну что ж, скоро сами увидим. Но на твоём месте я бы придумала для госпожи Сатоми ответ получше. Иначе вылетишь отсюда ещё быстрее, чем твоя предшественница. А теперь ступай на кухню за чаем для госпожи, – приказала она. – Кухарка объяснит, куда его отнести.

Несколько минут спустя Суюки уже шла по веранде с подносом, уставленным чайной посудой, и изо всех сил пыталась вспомнить дорогу. Императорский Дворец Солнца походил на маленький городок, посреди которого высилось главное здание, где жил император с семьей. Между сторожевой башней и внутренней стеной размещался лабиринт укреплений, предназначенный для защиты императора и для того, чтобы сбить с толку неприятеля. Придворные, знать и самураи расхаживали по дорожкам в ярких шелковых одеждах – белых, с изображением нежных лепестков сакуры, и ярко-красных, с золотыми хризантемами. Но никто из них не удостоивал Суюки взглядом. Только самым влиятельным семьям позволялось селиться подле императора: чем ближе ты жил к главному дворцу, тем выше было твоё положение.

Суюки блуждала в поисках нужной двери, а внутри нарастала тревога. Дома вокруг были совершенно одинаковые: с серыми кровлями, стенами из бамбука и бумаги – и соединялись деревянными верандами, построенными для того, чтобы уберечь наряды придворных от грязи и росы. Над улицами горделиво возвышались диковинные башенки, укры-

тые синей черепицей; в аккуратно подстриженных кронах заливались десятки птиц, но тугой узел в груди не давал Суюки насладиться этим великолепием.

Внезапно прозрачный ясный звук прорезал воздух, и она застыла на месте. Нет, то была не птичья трель, хотя дрозд на соседнем дереве с готовностью откликнулся. Суюки моментально узнала его, припомнила каждую нотку. Сколько раз она слышала эту мелодию за дверью отцовской мастерской? То была нежная, пленительная песнь флейты.

Зачарованная, Суюки пошла на звук, позабыв о поручении и о том, что хозяйка наверняка рассердится, если чай не принесут вовремя. Жалобная, печальная мелодия, песнь прощания и осеннего увядания неумолимо влекла ее за собой. Неведомый музыкант великолепно владел инструментом; в его игре было столько чувства, что Суюки казалось, будто она слышит саму его душу.

Музыка до того заорожила Суюки, что она совсем перестала смотреть, куда идет. Завернув за угол, она едва не налетела на юного аристократа в небесно-голубых одеждах, прижимавшего к губам флейту. Испуганно вскрикнув, девушка попыталась уберечься от столкновения. Чайник на подносе возмущенно звякнул, чашки задрожали, а мелодия оборвалась, когда самурай, к огромному изумлению Суюки, повернулся и подставил руку под поднос, чтобы тот не опрокинулся на веранду.

– Осторожнее, – сказал незнакомец голосом тонким и чи-

стым. – Лучше ничего не ронять, а то такой шум поднимется. Вы как, в порядке?

Суюки устала на него. Перед ней стоял, пожалуй, самый симпатичный парень из всех, что она видела в жизни. «Нет, не симпатичный даже, – подумалось ей. – *Красивый*». Под небесно-голубыми одеждами угадывались широкие плечи, но черты у юноши были изящные и тонкие: он походил на иву, распутившуюся по весне. Белые, как снег на горных вершинах, волосы не были убраны в самурайский пучок, но свободно ниспадали на спину. И что самое поразительное – он ей улыбался, причем не холодной, самодовольной ухмылкой большинства аристократов, а искренне, радостно и тепло шурясь.

– Прощу прощения! – воскликнул он, выпуская поднос и отступая назад. Вид у него был совершенно спокойный, ни капли не раздраженный. – Виноват, встал посреди дороги и не подумал о том, что кто-то может выскочить из-за угла! Надеюсь, я не сильно вас напугал, госпожа...

Суюки дважды открывала рот, но дар речи вернулся не сразу.

– Простите, господин, – произнесла она едва слышным шепотом. Аристократы не разговаривают так с прислугой, даже ей это было хорошо известно. – Меня зовут Суюки, и я всего лишь служанка. Не стоит волноваться из-за таких, как я.

Аристократ фыркнул.

– Еще как стоит, Суюки-сан, – сказал он. – Когда я играю, то часто забываю, где нахожусь. – Он поднял флейту, и сердце Суюки забилося чаще. – Что ж, давайте больше не будем думать о случившемся. Можете спокойно возвращаться к своей работе.

Он шагнул в сторону, пропуская Суюки, но та не шелохнулась – все не могла отвести глаз от инструмента в его изящной ладони. Флейта, прямая, словно стрела, с ярким золотистым наконечником, была сделана из темного полированного дерева. Суюки понимала, что заговаривать с представителем знати опасно – он может приказать высечь нахальную служанку, бросить в тюрьму или даже казнить, но слова вырвались против ее воли.

– Вы великолепно играете, мой господин, – прошептала она. – Простите. Знаю, я не вправе говорить такие вещи, но мой отец бы вами гордился.

Незнакомец склонил голову набок, по его прекрасному лицу пробежала тень изумления.

– Ваш отец? – спросил он, и тут его осенило: – Так вы дочь Муры Акихито?

– *Hai*¹.

Он улыбнулся и коротко ей поклонился.

– Прекрасную мелодию можно сыграть лишь на прекрасном инструменте, – сказал он. – Когда увидите с отцом, передайте ему, что для меня большая честь быть хозяином

¹ Да (яп.). – Здесь и далее прим. пер.

такой дивной флейты.

У Суюки запершило в горле, к глазам подступили горячие слезы. Аристократ почтительно отвернулся и принялся с деланным интересом разглядывать цветущую вишню, чтобы дать Суюки время успокоиться.

– Вы случайно не заблудились? – спросил он вскоре, оторвавшись от созерцания куколки какого-то насекомого на тонкой ветке. Суюки не уловила в его голосе издевки, только безобидное веселье, с каким люди порой разговаривают с кошками на улицах. – Императорский дворец и впрямь потрясает с непривычки. Кому вы прислуживаете, Суюки-сан? Быть может, я смогу вас проводить.

– Г-госпоже Сатоми, мой господин, – заикаясь, ответила Суюки, до глубины души пораженная его добротой. Она знала, что нужно поклониться, но боялась разлить чай. – Прошу меня извинить, я прибыла во дворец только сегодня и еще не успела тут освоиться.

Аристократ нахмурился, и сердце замерло в груди у Суюки – она испугалась, что обидела его.

– Понятно, – едва слышно проговорил он. – Стало быть, у вас новая служанка, а, Сатоми-сан? Сколько же их нужно императорским наложницам?

Не успела Суюки задуматься, что он имел в виду, как незнакомец взял себя в руки и снова ей улыбнулся.

– Что ж, удача благоволит вам, Суюки-сан. Резиденция госпожи Сатоми совсем недалеко. – Он взмахнул широким

рукавом, указывая тонким пальцем дорогу. – Обойдите это здание с левой стороны, а потом идите прямо и до конца. Нужная вам дверь – последняя справа.

– Дайсукэ-сан! – Громкий женский голос пронесся по веранде, и аристократ отвернулся, не дав Суюки прошептать слова благодарности. Вскоре из-за угла показались три знатные дамы в элегантных золотисто-зеленых кимоно. Они насмешливо посмотрели на аристократа.

– Вот ты где, Дайсукэ-сан, – с обидой воскликнула одна из них. – Где тебя носит? Мы же опаздываем на поэтические чтения к Ханозэ-сан! А-а-а. Что тут происходит? – спросила она, заметив Суюки. – Дайсукэ-сан, только не говори, что все это время ты болтал со служанкой!

– Почему бы и нет? – с издевкой поинтересовался он. – Порой разговоры с прислугой куда интереснее бесед с аристократками.

Девушки захихикали, будто ничего смешнее в жизни не слышали. Суюки искренне не понимала, что тут веселого.

– Что за ерунда, Тайо Дайсукэ! – с упреком сказала одна из девушек, прикрывшись белым веером с цветками вишни. – Пойдем уже. Нам надо спешить. А ты, – она перевела взгляд на Суюки, – возвращайся к работе. Что уставилась? Кыш!

Суюки поспешно удалилась, стараясь не расплескать чай. Но сердце продолжало бешено колотиться, а восстановить дыхание никак не удавалось. *Тайо*. Родовое имя император-

ской семьи. Дайсукэ-сама – член Клана Солнца, одной из самых влиятельных семей в Ивагото, и в его жилах течет императорская кровь. Странное чувство в животе усилилось, мысли, словно стайка мотыльков, порхающих у огня, кружились вокруг воспоминаний о его улыбке и мелодии отцовской флейты.

Нужную дверь Суюки отыскала в самом конце веранды, откуда открывался вид на великолепные дворцовые сады. Перегородка сёдзи была отодвинута, и Суюки почувствовала легкий аромат ладана, который курился во мраке комнаты. Она тихонько вошла и огляделась в поисках новой хозяйки, но комната была пуста. Жилище было богато обставлено, хотя обычно знать отличалась склонностью к простоте. Нарядные ширмы превратили комнату в маленький лабиринт, пол устилали мягкие татами. Повсюду лежали стопки листов для оригами всевозможных расцветок и фактур, а со всех плоских поверхностей на Суюки смотрели бумажные птицы – они будто захватили дом. Девушка смела стайку журавликов со стола, чтобы поставить поднос.

– Май-тян²? – Из соседней комнаты слышался голос, мягкий и нежный, как осенняя паутинка; по полу прошеле-стел шелк. – Это ты? Где ты была? Я уже начала волноваться... Ах.

В дверях появилась дама, и на мгновение они с Суюки застыли, глядя друг на друга. Суюки распахнула рот от изум-

² Традиционное японское обращение к женщинам и детям.

ления.

Если Тайо Дайсукэ был самым красивым парнем, которого она только видела в жизни, то теперь перед ней стояла самая изящная и прекрасная женщина во всем дворце. На ней было красное кимоно, расшитое золотыми, серебряными и зелеными бабочками. Блестящие черные волосы были собраны в высокую прическу, украшенную двумя золотисто-красными деревянными палочками и гребешками из слоновой кости. Темные глаза, сияющие на безупречном, словно фарфоровом, лице с интересом оглядели Суюки.

– Здравствуй, – проговорила незнакомка, и Суюки поспешно закрыла рот. – Могу я поинтересоваться, кто ты такая?

– Я... я Суюки, – запинаясь, представилась девушка. – Ваша новая служанка.

– Ах вот оно что. – Губы женщины тронула легкая улыбка. Суюки ни капли не сомневалась, что улыбнись она чуть шире, и в полумраке сверкнут белоснежные зубы. – Проходи, малютка Суюки-тян. Только, пожалуйста, ничего не раздави.

Суюки послушно приблизилась к госпоже Сатоми, стараясь не наступить на ее бумажные создания.

И тут женщина дала ей хлесткую пощечину.

Вспышка боли на мгновение ослепила девушку. Она рухнула на пол, до того изумленная, что даже не вскрикнула. Из глаз брызнули слезы. Суюки прикрыла щеку ладонью и непонимающе посмотрела на госпожу Сатоми. Та возвыша-

лась над ней, продолжая улыбаться.

– Знаешь, почему я тебя ударила, малютка Суюки-тян? – спросила она, на сей раз показав зубы.

«Так скалятся черепа», – подумалось Суюки.

– Н-н-нет, моя госпожа, – пробормотала она. Онемевшая щека начала гореть.

– Потому что я звала Май-тян, а не тебя, – беспощадно веселым голосом сообщила госпожа Сатоми. – Даже если ты глупая деревенщина, Суюки-тян, это тебя нисколько не извиняет. Приходить нужно только когда позовут, ясно тебе?

– Да, моя госпожа.

– Улыбнись, Суюки-тян, – велела Сатоми. – Если улыбешься, возможно, я забуду о твоём мерзком деревенском говоре и о том, что лицо у тебя похоже на коровью морду. Мне трудно будет сдерживать отвращение при виде тебя, но я постараюсь. Разве это не великодушно с моей стороны, а, Суюки-тян?

Не зная, что ответить, Суюки стиснула зубы и подумала о Дайсукэ-саме.

– Разве это не великодушно с моей стороны, Суюки-тян? – повторила Сатоми с нескрываемым раздражением.

Суюки с трудом сглотнула.

– *Hai*, госпожа Сатоми.

Сатоми вздохнула.

– Ты помяла мои фигурки, – оскорбленно заявила она, и Суюки взглянула на бумажных зверюшек, которых случайно

задела. Госпожа фыркнула и отвернулась. – Предупреждаю: я очень разозлюсь, если ты их не заменишь. В районе Ветров есть одна милая лавочка, где продается самая тонкая лавандовая бумага. Если поспешишь, успеешь купить ее до закрытия.

В дверной проем Суюки увидела, как над дворцом сгущаются грозовые облака. Загрохотал гром, а в темном небе замелькали серебристо-голубые молнии.

– Да, госпожа Сатоми.

За следующие несколько дней Суюки успела истосковаться по отцовской лавочке, по неспешному подметанию полов, штопке одежды, приготовлению еды трижды в день, по успокаивающему аромату опилок и стружек, по посетителям, которые редко ее замечали, занятые лишь отцом и его творениями. Раньше Суюки казалось, что в работе служанки, представленной к знатной госпоже, нет ничего сложного: только и знай, что помогай ей одеться да выполняй мелкие поручения и дела, недостойные внимания аристократки. Возможно, так оно и должно было быть – во всяком случае, другие служанки явно не страдали от тягот и лишений. Они откровенно избегали Суюки, будто общение со служанкой госпожи Сатоми могло навлечь на них ее гнев. И Суюки их не винила.

Госпожа Сатоми была сущим исчадием ада, прекрасным его исчадием в шелках, при макияже и одурманивающем парфюме. Что бы Суюки ни делала, хозяйка всегда была

недовольна. Как бы она ни терла и полоскала белье, Сатоми всегда говорила, что постирано оно плохо. Чай, заваренный Суюки, оказывался либо слишком слабым, либо слишком крепким, либо чересчур сладким – вечно что-нибудь было не так. Как бы прилежно девушка ни убирала комнаты госпожи Сатоми, где-нибудь неизменно отыскивалось пятнышко грязи, татами оказывалось не там, где нужно, бумажные фигурки стояли не на тех местах. Обнаружив очередной промах, госпожа едва заметно улыбалась и отвешивала девушке на удивление звонкую пощечину.

Но это, разумеется, никого не заботило. Другие служанки отводили глаза от ее синяков, а стражники вообще на нее не смотрели. Суюки не осмеливалась жаловаться, ведь госпожа Сатоми была не только знаменитой и влиятельной аристократкой, но и любимой наложницей самого императора. Злословить о ней значило оскорблять Тайо но Гэндзи, великого Сына Неба – а это могло закончиться поркой, публичным унижением или и того хуже.

От полного отчаяния Суюки спасала только мысль о новой встрече с Дайсукэ-самой. Само собой, в его венах течет голубая кровь и он Суюки совершенно не ровня. Беды простолоудинки ему вряд ли интересны. Но ей хватило бы одного взгляда. Она тщетно искала его на верандах и дорожках, когда бегала с поручениями госпожи Сатоми, но красивого аристократа нигде не было видно. До Суюки дошли слухи, будто Тайо Дайсукэ покинул Дворец Солнца вскоре после

ее прибытия и отправился в одно из своих загадочных путешествий по стране. Суюки очень надеялась встретиться с ним, когда он вернется. Ей хотелось вновь услышать мелодию отцовской флейты, пойти за ней и столкнуться с Дайсукэ, вновь увидеть его струящиеся белые волосы.

Затрещина, от которой Суюки повалилась на пол, пробудила ее от мечтаний.

– Что ж ты такая *неуклюжая*, дорогуша? – спросила одетая в ослепительно шелковый наряд госпожа Сатоми, глядя на нее сверху вниз. – Вставай, Суюки-тян. Для тебя есть работа.

В руках у госпожи был моток крепкой шелковой веревки кроваво-красного цвета. Как только Суюки поднялась, веревка оказалась у нее в руках.

– Слушай, ты какая-то слабоумная, право слово. Я уже и не надеюсь, что из тебя получится хорошая служанка. Но даже ты справишься с этим простейшим заданием. Отнеси веревку в амбар в восточной части сада, прямо за озером. И кончай плакать. Что обо мне подумают люди, если моя служанка будет вечно ходить зареванная?

Очнулась Суюки в темноте. В голове стучало. Перед глазами плыло, во рту стоял противный металлический привкус. Где-то в вышине гремел гром, свежий ветер дул в лицо. Холодные острые камни больно впивались в щеку и живот. Суюки моргнула и попыталась подняться, но руки не слуша-

лись. Через мгновение девушка поняла, что они связаны у ней за спиной.

Кровь застыла в жилах. Суюки перекатилась набок и попыталась встать, но колени и лодыжки тоже оказались связаны той самой веревкой, которую она несла в амбар. Рот у девушки был заткнут кляпом, примотанным к голове обрывком какой-то тряпки. Глухо вскрикнув, Суюки забилась на камнях. Боль пронзала руки, когда она невольно царапала их об острые булыжники, сдирая кожу, но веревки не поддавались. Запыхавшись и обессилев, Суюки устало повалилась на землю, а потом подняла голову и огляделась.

Она лежала посреди двора, но не ухоженного двора перед Дворцом Солнца с чисто выметенными белыми плитами и аккуратно подстриженными кустами. Этот двор был темным и изрядно потрепанным временем. Нависавший над ним замок тоже выглядел мрачным и покинутым и напоминал гигантское злобное чудовище. На стенах развевались изорванные флаги. По всему двору валялись сухие листья и обломки камней; неподалеку Суюки заметила шлем самурая, пустой и ржавый. Над головой сверкали молнии, и в их свете она различила блестящие глаза десятков ворон, которые сидели на стенах дворца и наблюдали за ней, поеживаясь от ветра.

– Ну здравствуй, Суюки-тян, – поприветствовал ее до жути радостный голос. – Проснулась наконец?

Суюки обернулась и увидела госпожу Сатоми – та стояла в нескольких шагах позади нее. Ветер трепал ее распу-

ценные волосы, рукава красно-черного кимоно развевались, как паруса. Взгляд был недобрым, на губах играла едва заметная улыбка. Судорожно вздохнув, Суюки с трудом села. Ей хотелось криком звать на помощь, хотелось понять, что происходит. Неужели это жестокое наказание? Но в чем она опять провинилась? Плохо убралась, принесла не то, о чем просили, или обслужила госпожу не так, как та бы хотела? Во взгляде Суюки вспыхнула мольба, по щекам заструились горячие слезы, но госпожа Сатоми только сморщила нос.

– Ты не только лентяйка, но и истеричка. Терпеть не могу твои вечные сопли. – Она фыркнула и отошла назад, больше не глядя на Суюки. – Что ж, возрадуйся, Суюки-тян. Сегодня твоим страданиям придет конец. Хоть это и значит, что мне придется искать новую прислугу – и почему служанки вечно норовят разбежаться, словно мыши? Неблагодарные твари. Никакого чувства ответственности. – Госпожа Сатоми страдальчески выдохнула, а потом взглянула на облака. В небе снова сверкнула молния. Ветер усилился.

– Ну и где носит этого бони? – пробормотала она. – Учитывая, каких трудов мне стоило организовать ему достойное вознаграждение, я буду очень недовольна, если он не успеет к началу грозы.

Они? Суюки решила, что, вероятно, ослышалась. Так звали жестоких демонов из Дзигоку, царства тьмы. В народе ходили бесчисленные истории о храбрых самураях, побеждающих целые армии бони, но это все были мифы и легенды.

Родители пугали демонами непослушных чад: «Не приближайся к лесу, а не то őни тебя схватит», «Не спорь со старшими, иначе őни выскочит из-под пола и утащит тебя в Дзигоку». Страшилки для детей, чудовища из легенд о самураях, откуда им взяться в Нингенкае, царстве смертных?..

После ослепительной вспышки молнии и удара грома в углу двора появилась гигантская рогатая тварь.

Суюки вскрикнула. Кляп во рту заглушал ее вопли, но она не умолкала и кричала, пока хватало дыхания, то и дело кашля в лоскут ткани. Она попыталась отползти, но упала и больно ударилась о камни, разбив подбородок. Страх заглушил боль. Госпожа Сатоми метнула в нее испепеляющий взгляд, губы ее шевелились – наверное, она снова проклинала Суюки за истеричность, но та не видела и не слышала ничего, кроме огромного демона, явившегося напрямик из ночных кошмаров. Он шагнул вперед и остановился в круге факельного света. Чудовище, в реальность которого невозможно поверить.

Демон был огромным, футов на пятнадцать выше Суюки, и страшным, как описывали в легендах. Кожа у него была кроваво-красного цвета, густая черная грива ниспадала на плечи и спину. В пасти поблескивали острые желтые клыки, а глаза сверкали раскаленными углями. Шаги демона сотрясали землю. Объятая ужасом, Суюки вспомнила, что в сказаниях őни всегда носили набедренные повязки из шкур крупных зверей, но на этом демоне были сверкающие доспехи –

красные самурайские наплечники, набедренники и нарукавники. В руке őни держал огромную железную дубинку тэцубо и поигрывал ей, будто она весила не больше пера.

– Ну наконец-то, Ябурама, – поприветствовала его госпожа Сатоми, вскинув голову. Чудовище остановилось напротив нее. – Я, конечно, наслышана, что время в Дзигоку не существует и один день там длится восемьсот земных лет, но пунктуальность – замечательное качество, которым не следует пренебрегать.

Из горла őни вырвался глухой утробный рык.

– Не поучай меня, женщина. – От его жуткого голоса задрожал воздух. – Призыв демонов из Дзигоку – дело небыстрое, особенно если хочешь собрать армию.

Позади őни, словно колония муравьев, возникло полчище чудовищ помельче. Ростом эти монстры были чуть выше колена, кожа их переливалась синим, красным и зеленым. От главного демона их отличали огромные уши и безумный оскал. Заметив Суюки, они поспешили вперед, гогоча и облизывая острые клыки. Суюки вскрикнула и забилась рыбой, выброшенной на берег, тщетно сиюсь отползти подальше от голодных тварей.

Ябурама предупреждающе рыкнул – словно гром прокатился по двору. Орда чудовищ попятилась.

– Это моя? – спросил демон, сверкнув огненно-красными глазами на Суюки. – С виду вкусная. – Он шагнул к лежащей на земле девушке, и та едва не лишилась чувств.

– Терпение, Ябурама, – проговорила госпожа Сатоми и жестом остановила его. Он сощурился и оскалился, но даму это нисколько не беспокоило. – Скоро забереешь свое вознаграждение, – продолжила она. – Просто хочу убедиться, что ты знаешь, кто тебя сюда призвал. Знаешь, что нужно сделать.

– Как я могу этого не знать, – нетерпеливо ответил őни. – Дракон восстает. Предвестник Перемен приближается. В этом царстве невыносимого света и солнца прошла очередная тысяча лет, и вот-вот настанет время загадывать желание. В такое время смертный мог призвать меня в Нингенкай лишь по одной причине. – Жестокую морду исказила гримаса самодовольного презрения. – Я достану тебе свиток, женщина. Или его кусок, ибо сейчас фрагменты свитка разбросаны по всему свету. – Он вновь перевел взгляд горящих глаз на Суюки и медленно улыбнулся, обнажив клыки. – Я все выполню, но сперва возьму то, что мне причитается.

– Хорошо, – согласилась госпожа Сатоми. С неба упали первые капли дождя. – Я рассчитываю на тебя, Ябурама. Уверена, есть и другие желающие отыскать все фрагменты Драконьего свитка. Ты знаешь, что делать, если вдруг встретишься с этими охотничками. Что ж... – Она раскрыла розовый зонтик и подняла его над головой. – Оставлю вас наедине. Наслаждайся.

По каменистому двору зазмеились ручейки. Госпожа Сатоми развернулась и направилась восвояси. Суюки дерну-

лась в ее сторону, плача и умоляя о помощи богов и тех, кто волею судеб расслышит ее сдавленный крик. «Пощадите, – с отчаянием думала она. – Прошу. Неужели моя жизнь закончится вот так? Нет, нет, пожалуйста...»

Госпожа Сатоми замедлила шаг.

– О, малышка Суюки-тян, выше нос, – улыбнулась она. – Пришел миг твоей славы. С тебя начнется новая эра. Эта империя – весь мир! – изменится благодаря твоей жертве. Понимаешь? – Госпожа Сатоми склонила голову набок и посмотрела на Суюки так, словно та была маленьким скулящим щенком. – Ты наконец оказалась полезной. Для таких, как ты, этого вполне достаточно.

Земля задрожала за спиной у Суюки. Огромная рука схватила ее за ноги, изогнутые когти вонзились в кожу. Суюки извивалась, пытаясь освободиться от веревок и вырваться из хватки демона, но тщетно. Госпожа Сатоми фыркнула, отвернулась и пошла дальше, и зонтик ее покачивался под дождем. Они поднес девушку к жуткой морде, а демоны поменьше кричали и танцевали вокруг.

Помогите. Кто-нибудь, прошу, помогите! Дайсукэ-сама... Мысли Суюки внезапно обратились к молодому аристократу, ей вспомнилось его прекрасное лицо и мягкая улыбка, хоть она и понимала, что он не явится ей на помощь. Никто не поможет ей, потому что всем плевать на смерть простолюдинки. «Прости меня, папа, – мысленно обратилась Суюки к отцу. – Я не хотела оставлять тебя одного».

Ярость, полыхнувшая в глубине ее души, на мгновение пересилила страх. Сейчас с ней расправится демон, а она даже пожить толком не успела – это несправедливо! Пусть Суюки была всего лишь служанкой, она надеялась однажды выйти замуж за достойного человека, завести семью, оставить после себя что-то значимое. *Я не готова, не готова умирать. Пожалуйста, только не сейчас.*

Когтистые пальцы сомкнулись у нее на шее, подняли в воздух, и она различила на морде демона жуткую голодную улыбку. Тварь из другого мира распахнула пасть, и смрадное дыхание, пахнущее дымом и гнилым мясом, обожгло лицо девушки. В эту секунду милосердные боги решили вмешаться, и Суюки от ужаса лишилась чувств. Сознание покинуло ее ровно за секунду до того, как клыки разорвали тело пополам.

Аромат крови сгустился в воздухе, и демоны радостно завыли. Над останками Суюки медленно поднялся светящийся шар, невидимый взгляду смертного и полчищу демонов. Он завис над мерзкой сценой, словно наблюдая за тем, как мелкие твари грызутся за куски человеческого мяса, а Ябурама оглушительно рычит во мраке, отгоняя их прочь. На мгновение шар застыл, словно разрываясь между желанием взмыть к облакам и остаться на месте. Подлетев выше, он замер над единственным ярким пятном – розовым зонтиком, который поспешно двигался к замку. Голубовато-белое сияние шара сменилось зловещим красным.

Спикировав к земле, шар бесшумно проплыл над бни и успел скользнуть в двери замка до того, как они захлопнулись, оставив позади демонов и истерзанное тело юной служанки.

2. Лиса в храме

– Юмеко!

Громкий яростный крик прокатился по саду, заставив меня поморщиться. Я тихо сидела у пруда и бросала крошки хлеба толстым красно-белым рыбам, которые плавали у самой поверхности, и вдруг услышала свое имя – рассерженный голос доносился со стороны храма. Я поспешно спряталась под большим каменным светильником у воды, краем глаза заметив, как Дэнга с лицом мрачнее тучи бежит по противоположному берегу.

– Юмеко! – вновь позвал монах, а я вжалась в твердый мшистый камень. Мне представилось, как его обычно невозмутимое лицо делается красным, как колонны храма, и румянец ползет по лысому лбу. Я наблюдала эту картину бесчисленное множество раз. Волосы, заплетенные в косичку, и оранжевый халат, несомненно, развеваются на ветру, пока он носится туда-сюда, обыскивая берег и оглядывая заросли бамбука, окружающие сад.

– Я знаю, ты где-то тут! – крикнул он. – Опять ты соль в чайник насыпала! Думаешь, Нитору нравится, когда ему плюют чаем прямо в лицо?

Я прикусила губу, чтобы не расхохотаться, и теснее прижалась к статуе, стараясь сохранять молчание.

– Ах ты чертовка! – все кипятился Дэнга. Звуки его шагов

отдалились от пруда – судя по всему, он углубился в сад. – Ты сейчас наверняка хохочешь до колик. Но учти: когда я тебя отыщу, ты у меня будешь подметать полы до самого часа Крысы!

Голос монаха смолк. Выглянув из-за камня, я проследила за тем, как он шел по тропе к бамбуковым зарослям, пока не пропал из виду.

Облегченно выдохнув, я прислонилась к щербатому светильнику, еле сдерживая радость. *Ну наконец хоть какое-то веселье. Дэнга-сан всегда такой серьезный, ему не мешало бы иногда менять выражение лица, иначе оно растрескается от натуги.* Я улыбнулась, представив Нитору в тот миг, когда другой монах отхлебнул из своей чашки. К сожалению, чувством юмора Нитору, как и Дэнгу, боги обделили. *Лучше пока и впрямь не попадаться им на глаза. Стащу из библиотеки книгу и спрячусь под столом. Хотя нет, Дэнга уже знает это местечко. Плохая идея.* Я поморщилась при мысли о длинных деревянных верандах, которые придется тщательно подмести, если меня отыщут. *Наверное, лучше убраться подальше отсюда. Во всяком случае, до вечера. Интересно, чем сегодня занята семья обезьян?*

В груди вспыхнул восторг. В кроне древнего кедра, возвышающегося над лесом, жило с десятков желтых обезьян. Если забраться на него в ясную погоду, можно увидеть весь мир – с крошечной фермы у подножия гор и до самого горизонта. Каждый раз, раскачиваясь на ветвях кедра вместе с обезья-

нами, я смотрела на разноцветный ковер, простирающийся подо мной, и думала, хватит ли мне сегодня храбрости поглядеть, что лежит за краем неба.

Но храбрости не хватало, и нынешний день едва ли станет исключением. Зато я не буду безропотно ждать, пока взбешенный Дэнга-сан швырнет мне метлу и велит вымести дочиста весь храм, включая двор.

Я сделала несколько шагов от статуи, развернулась и... столкнулась нос к носу с учителем Исао.

Вскрикнув, я отскочила и ударилась о каменный светильник, который был куда больше и тяжелее меня и даже не пошатнулся. Седобородый монах в широкополой соломенной шляпе тихо улыбнулся.

– Куда это ты собралась, Юмеко-тян?

– Э-э-э... – я замялась, потирая затылок. Учитель Исао был невысок ростом; худой и долговязый, он все равно был на голову ниже меня даже когда носил деревянные сандалии гэта. Но никто в монастыре не пользовался таким уважением и не обладал такой властью над собственной энергией ки, как учитель Исао. Я собственными глазами видела, как он разрубил дерево пополам легким ударом руки и расколол огромный валун на кусочки. Он был бесспорным хозяином храма Тихих Ветров и одним своим появлением мог утихомирить целую комнату сильных духом монахов, тоже практикующих ки. При этом он никогда не повышал голоса и не выходил из себя; самым строгим выражением его лица были слегка

сдвинутые брови – этого хватало, чтобы не на шутку напугать.

– Ано³... – вновь запнулась я, и густые брови учителя поднялись, выражая сдержанное нетерпение. Лгать нет смысла – учитель Исао все обо всех знает. – Я... я хотела навестить семью обезьян в лесу, учитель Исао, – призналась я, решив, что это меньший из моих проступков. На самом деле, мне *не запрещалось* покидать территорию монастыря, просто монахам явно не нравилось, когда я уходила. Судя по количеству обязанностей и учебных занятий, они изо всех сил старались сделать так, чтобы у меня ни минутки свободной не осталось.

Учитель Исао улыбнулся.

– Вот оно что. Семья обезьян. Боюсь, твоим друзьям придется немного подождать, Юмеко-тян, – проговорил он, и в его голосе не слышалось ни удивления, ни злости. – Я отниму у тебя немного времени. Прошу, следуй за мной.

Он повернулся и двинулся в обход пруда по направлению к храму. Я смахнула пыль с рукавов и поспешила за ним по бамбуковой тропе, пестрой от солнечных лучей, пробивающихся сквозь листья, мимо поющих камней, в которых игриво посвистывал ветерок, по красному арочному мосту через бурный ручей. Серо-коричневая птичка порхала по веткам можжевельника, выпячивала грудь и наполняла воздух залиистой соловьиной трелью. Я свистнула птице в ответ,

³ Слово, использующееся в японском языке для выражения неуверенности, аналог русского «Хм-м».

та негодуяуще глянула на меня и скрылась в зарослях.

Деревья с уже поредевшей листвой расступились, мы миновали крошечный каменный сад с тщательно разрыхленным песком и поднялись по лестнице в храм. Когда мы вошли в темный холодный коридор, я заметила в противоположном конце Нитору и осмелилась дерзко ему помахать, зная, что он не подойдет ко мне, пока рядом учитель Исао. Возможно, меня заставят подметать ступеньки до следующей зимы, но выражение лица монаха того стоило.

Учитель Исао провел меня по нескольким узким коридорам мимо комнаток. Когда мы подошли к раздвижной двери, учитель открыл ее, пропуская меня внутрь. Я шагнула в знакомую комнату, маленькую, чистую и совершенно пустую, если не считать большого зеркала на стене – единственного во всем храме – и картины, висящей рядом. На картине был изображен огромный дракон, который парил над бушующим морем, и крошечная лодка на беспокойных волнах.

Я с трудом подавила вздох. Мне уже доводилось бывать здесь, и ритуал всякий раз оставался неизменным. Уже зная, чего от меня хочет учитель Исао, я легкой походкой прошла по татами и опустилась перед зеркалом. Учитель последовал за мной, сел напротив и сложил руки на коленях. Несколько мгновений он сидел неподвижно и смотрел на меня ясными глазами. Казалось, он глядит сквозь меня на стену.

– Что ты видишь? – спросил он по своему обыкновению.

Я посмотрела в зеркало. Отражение взглянуло на меня в ответ. Худощавая девушка шестнадцати лет от роду с прямыми черными волосами до середины спины. На ней соломенные сандалии, белый пояс и короткое ярко-красное кимоно, кое-где износившееся до дыр – особенно на длинных, широких рукавах. Руки у нее в земле, потому что недавно она стояла у пруда на четвереньках и болтала с рыбами; грязь пристала к лицу и коленям. На первый взгляд она кажется немножко неряшливой, но в целом совершенно обычной девчонкой – дочерью рыбака или крестьянина, преклонившей колени на полу храма.

Но только на первый. Потому что из-под кимоно выглядывает пушистый рыжий хвост, на макушке торчат треугольные ушки с черными кончиками, а блестящие золотые глаза сразу дают понять, что перед вами не человек вовсе.

– Вижу себя, учитель Исао, – сказала я, гадая, такого ли ответа он от меня ждет. – Свое истинное «я». Без всяких иллюзий и преград. Вижу *кицунэ*.

Кицунэ. Лису. Точнее сказать, наполовину *кицунэ*. Дикие *кицунэ*, лисы, в тайне блуждающие по Ивагото, – мастерицы перевоплощения. Некоторые *кицунэ* избирают жизнь лесных животных, однако даже они не утрачивают способностей к волшебству. *Кицунэ* – это ёкай, сверхъестественное существо. Один из их излюбленных фокусов – превратиться в человека, как правило, в прекрасную женщину, и сбивать путников с верной дороги. Со стороны я выглядела как обычно-

венная девчонка; никто не видел ни моего хвоста, ни ушек, ни желтых глаз. И только в зеркалах и зеркальных поверхностях – в блестящих столешницах, в спокойной воде, даже в лезвии ножа – отражался мой истинный облик. Поэтому я должна была пристально следить за тем, что меня окружает, иначе внимательный наблюдатель заметит, что мое отражение не вполне совпадает с тем, что видят его глаза.

Во всяком случае, так меня наставляли монахи. Они знали, кто я такая, и считали своим долгом почаще об этом напоминать. *Полукровка, исчадие ада, девушка-лиса* – такие слова я слышала каждый день. При этом монахи отнюдь не были жестокими или бессердечными – скорее практичными. Раз я кицунэ и не совсем человек, они не вправе делать вид, будто это не так.

Я взглянула на учителя Исао, гадая, скажет ли он что-нибудь новое. В игру «Что ты видишь?» мы играли множество раз, и какой бы вариант я не предлагала – человек, демон, лиса или рыба – учителя мои ответы не устраивали. И потому я снова и снова возвращалась к зеркалу и глядела на свое отражение.

– Как продвигаются занятия? – спросил учитель Исао. По выражению его лица никак нельзя было понять, слышал ли он мой ответ и счел ли его правильным (в чем я сильно сомневалась).

– Хорошо, учитель Исао.

– Покажи.

Я замялась и огляделась в поисках подходящей цели. Вариантов было не так много. Пожалуй, подошло бы зеркало. Или картина на стене. Но их я уже использовала, а учителя Исао едва ли впечатлит повторение старых трюков. В эту игру мы тоже нередко играли.

Я заметила прицепившийся к рукаву желтый кленовый лист и улыбнулась. Взяла его за черенок и покрутила в пальцах, а потом осторожно опустила себе на голову. Магии кицунэ необходим своего рода якорь, некий элемент природы, вокруг которого можно построить иллюзию. Ходят легенды о старых могущественных кицунэ, которые могут сплести иллюзии буквально из воздуха, но моей магии нужна была точка сосредоточения. Положив лист на голову, я прикрыла глаза и сосредоточилась.

Сколько я себя помню, магия всегда была естественной частью моей жизни, даром, доставшимся мне, как рассказы-вали, от предков-ёкаев. Талант проявился еще в раннем детстве, когда я пускала по коридорам храма голубовато-белые шары кицунэ-би – холодного лисьего пламени. Я стала старше, волшебных сил во мне прибавилось, и монахи предложили учителю Исао навсегда лишить меня магических способностей, чтобы я не причинила вреда ни себе, ни другим. Дикие кицунэ доставляли людям немало хлопот, причем далеко не всегда со зла. Некоторые их проделки просто выводили из себя, например кража еды или мелких предметов, а некоторые были попросту опасными – так, они могли напу-

гать лошадь на узкой горной тропе или заманить человека в лесную чащу или болото. Дэнга и другие считали, что лучше избавить меня от искушения. Но учитель, главный в храме Тихих Ветров, решительно отверг их предложение. Он сказал, что волшебство – часть жизни кицунэ, такая же естественная, как сон или дыхание, и если ее отнять, будет только хуже.

Поэтому я ежедневно упражнялась в магии с монахом по имени Сатоши в расчете на то, что это я научусь контролировать лисий дар, а не он меня. Сперва монахи отнеслись к нашим занятиям скептически, но я знала: учитель Исао искренне верит, что я не стану использовать свою силу во вред, и потому старалась не поддаваться соблазнам. Хотя порой было жутко сложно не превратить котика в чайник, не сделать так, чтобы закрытая дверь казалась распахнутой, или не скрыть от глаз бревно, лежащее у ступенек. Как не раз подмечал Дэнга-сан после очередной моей выходки, лисья магия – не что иное как притворство и хитрость. Ничего полезного от нее не жди.

«Может, и так, – думалось мне, когда я ощущала, как растет внутри жар кицунэ-би. – Но зато это ужасно весело!»

По телу пробежала дрожь, будто я была водой, в которую бросили камешек. Поднявшееся от пола облачко белого дыма окутало меня, а когда дым рассеялся, я открыла глаза и улыбнулась своему отражению. Из зеркала на меня смотрел учитель Исао, вернее, точная копия старика, сидящего непо-

далеку от зеркала, если не считать проказливой улыбки на обветренном лице. И пушистого хвоста с белым кончиком.

Настоящий учитель Исао усмехнулся и покачал головой.

– Так вот в чем вы с Сатоши упражняетесь? – спросил он. – С ужасом представляю день, когда «я» велю Дэнге-сану пойти поймать обезьяну.

– Думаете, он бы послушался? Вот умора! Кхм, но я, разумеется, ничего такого делать не стану. – С этими словами я сняла с головы кленовый лист, иллюзия рассеялась, и я вновь стала собой. Повертев лист в руках, я задумалась, что бы со мной сделали, если б я и *впрямь* превратилась в учителя Исао и приказала Дэнге прыгнуть в пруд. Зная фанатичную преданность монаха своему наставнику, можно предположить, что он послушался бы беспрекословно. А потом, наверное, убил бы меня.

– Шестнадцать лет, – мягко заметил учитель Исао. Я удивленно сощурилась. Что-то новенькое. Обычно после демонстрации умений мне говорили вернуться к своим обязанностям. – Шестнадцать лет прошло с того дня, как ты здесь появилась, – задумчиво произнес он. – С того дня, как мы нашли тебя у ворот в корзине для рыбы, в рваном платице с прищепленной к нему запиской: «Простите, но я должна передать свою дочь под вашу опеку. Не судите ее строго – она не в силах одолеть свою природу, а на моем пути нет места невинности. Ее зовут Юмеко, дитя грез. Воспитайте ее хорошо, и да хранит ее и вас Великий Дракон».

Я вежливо кивнула, хотя слышала эту историю уже десятки раз. Я не знала своих родителей и редко о них думала. В моей жизни они отсутствовали, а смысла переживать о том, что нельзя изменить, я не видела.

И все же было одно смутное воспоминание из раннего детства, которое преследовало меня во снах. В тот день я бродила по лесу за храмом, пряталась от монахов и гонялась за белками и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Я обернулась и увидела на упавшем дереве белую лису с золотыми глазами, сверкающими в тени. Мы долго смотрели друг на друга – девочка и кицунэ, и хотя лет мне было немного, я ощутила родство с этим созданием, а еще непонятную тоску. Но когда я шагнула к лисе, та исчезла. Больше я ее никогда не видела.

– Шестнадцать лет, – продолжил учитель Исао, не подозревая о моих мыслях. – И все это время мы воспитывали тебя так, как нам представлялось верным, вели тебя по правильному, в нашем понимании, пути, учили искать равновесие между людской и лисьей природой. Ты всегда знала, каково твое истинное «я», – мы никогда не скрывали от тебя правду. Я сам наблюдал в тебе как лисицу хитрость, так и людское сочувствие. Я видел в равной мере и жестокость, и доброту, и знаю, что сейчас ты балансируешь на тонкой грани между человеком и ёкаем. Что бы ты ни выбрала, какой бы тропой ни пошла, пусть даже ты выберешь свой, третий путь, скоро тебе придется принять решение. Времени оста-

лось мало.

Он не счел нужным пояснять, что имеет в виду. Не спросил, все ли я поняла. Может, знал, что половина его слов остается для меня загадкой, а половину я попросту пропускаю мимо ушей. Но я кивнула и с улыбкой сказала:

– Да, учитель Исао. Я понимаю.

Он вздохнул и покачал головой.

– Ты не ведаешь, о чем я толкую, дитя, – заявил он, и я досадливо поморщилась. – Но ничего страшного. Я не для этого тебя сюда привел.

Он посмотрел куда-то в сторону, и взгляд его стал отсутствующим, а по лицу пробежала тень.

– Ты уже почти взрослая, а внешний мир стремительно меняется. Пора тебе узнать о нашем истинном предназначении, о том, что на самом деле охраняет храм Тихих Ветров.

Я прищурилась, а кицунэ в отражении наострила уши.

– Охраняет? – переспросила я. – Я и не знала, что мы что-то охраняем.

– Само собой. Никто тебе об этом не рассказывал. Но пришла пора узнать нашу главную тайну. Дракон восстает, очередная эра клонится к закату.

– В стародавние времена, – начал учитель Исао певучим тоном умелого рассказчика, – жил-был один смертный. Юный господин, командовавший огромной армией, и слуг у него было больше, чем рисинок в поле. Его имя история не

сохранила, но, по легенде, он был человеком невежественным и глупым и желал стать бессмертным ками – богом. Он собрал лучших своих воинов и приказал добыть для него Фуши но Таму, драгоценный камень, который, как поговаривали, дарует своему хозяину вечную жизнь. Вот только камень этот был спрятан во лбу Великого дракона, живущего на дне морском. Но господин жаждал бессмертия и потому повелел своим воинам достать камень любой ценой. Слуги, у которых ума было поболее, чем у господина, сделали вид, будто тотчас выступили в поход. Их хозяин был настолько уверен в успехе, что украсил комнаты серебром и золотом, а крышу дома – шелковой тканью, чтобы жилище приняло подобающий для божества вид.

Прошло несколько месяцев – от воинов не было вестей. Юный господин, потеряв терпение, прибыл на священные скалы Рюгаке, где под бурными волнами, по слухам, обитал Дракон. Выяснилось, что ни один из его воинов не взял лодки и не отправился искать Фуши но Таму, а все до единого покинули эти земли при первой же возможности. Весть об этом так разозлила господина, что он, отбросив всякую осторожность, нанял корабль и кормчего и отправился на поиски сам.

Едва бедное судно достигло глубоких вод, начался сильный шторм. Море накинuloсь на господина и его моряков, словно бешеный зверь. А еще хуже то, что пока море вокруг ярилось и выло, сам господин слег с ужасной болезнью и ока-

зался на грани гибели. Когда шторм сделался столь сильным, что в любой миг угрожал разбить корабль в щепки, кормчий крикнул, что боги прогневались на них и господин должен вознести молитву, чтобы успокоить Великих Ками, хозяев глубин.

Страх обуял господина, он осознал ошибку и, глубоко пристыженный, пал ниц. По меньшей мере тысячу раз повторил он молитву, в которой просил не губить его за крамольное желание убить Дракона и клялся, что больше не потревожит Владыку вод морских.

Кто-то говорит, что господин вернулся к себе на родину целым и невредимым – пострадала разве что шелковая ткань на его дворце: вороны разорвали ее и растащили по гнездам. Но одна легенда гласит, что после того, как господин произнес тысячную молитву, море взбурлило и из его глубин поднялся огромный Дракон. Он был втрое длиннее корабля, глаза его горели во мраке, как факелы, а во лбу сияла жемчужина. Господин пришел в ужас – и неспроста, ибо Дракон был не на шутку рассержен. Господин вновь пал ниц, умоляя могущественного змея о пощаде. Тогда Дракон предложил ему сделку. Сказал, что готов исполнить любое его желание – даровать сокровища, вечную жизнь, власть над самой смертью, – но господин в ответ должен отдать ему свою душу. Юноша решил душу не отдавать и вернулся домой помудревшим. С тех пор раз в тысячу лет – по одному году за каждую молитву господина – Дракон вновь является смертному,

который его призывает. Если у смертного чистая душа, если дела его честны, а сердце благородно, Дракон исполняет его самое заветное желание. Но если душа порочна, Дракон вырывает ее из тела и забирает как плату за самонадеянность смертного, который много веков назад жаждал стать богом.

Учитель Исао закончил свой рассказ, и в комнате повисла тишина. Легенда показалась мне любопытной, но я не могла взять в толк, как она связана с нашим храмом и тем, что мы должны защищать. Учитель Исао смерил меня взглядом и покачал головой.

– Ты ведь не понимаешь, для чего я рассказал тебе эту историю, верно?

– Понимаю! – заспорила я, и учитель Исао поднял кустистые брови. – Чтобы я... м-м-м... ну... Нет. Не понимаю.

Он молчал, по обыкновению терпеливо ожидая, что я сама обо всем догадаюсь, и его молчание сильнее всяких слов побудило меня ломать голову над загадкой. Он упомянул о Драконе, причем дважды: во время упражнения с зеркалом и в пересказе легенды, так что это наверняка важно. Что же он тогда сказал?

– Дракон восстает, – повторила я, и учитель кивнул. – По легенде, он является раз в тысячу лет. И исполняет желание смертного, – проговорила я и примолкла, слегка нахмурившись. – Но... *зачем* он их исполняет? Он ведь бог, разве не так? У него уж точно есть дела поважнее, чем всплывать

со дна морского каждое тысячелетие. Неужели ему нравится выполнять чужие желания?

– Дракон вовсе не кукла, исполняющая желания, Юмеко-тян, – возразил учитель Исао. – Это Великий Ками, бог морских глубин, Предвестник перемен. С каждым его появлением мир – к добру или к худу – меняется и начинает идти совершенно новым путем.

– Что ж, получается... Скоро Дракон явится вновь?

– Отлично, Юмеко-тян, – похвалил учитель Исао, многозначительно кивнув. – Именно так. Время Дракона грядет. И многие хотят его увидеть. Но Дракон явится, только если его правильно призвать, а сделать это можно лишь повторив по памяти все молитвы юного господина, слово в слово.

– Тысячу молитв? – спросила я, склонив голову набок. Я едва могла запомнить, какой сегодня день недели, а уж как выучить наизусть тысячу молитв, и вовсе не представляла. – По-моему, это ужасно трудно. Едва ли он твердил одну и ту же молитву. Наверное, их кто-нибудь записал...

Стоп.

Обрывки сложились в единое целое. Тайна храма, священный долг монахов. Я взглянула на картину с Драконом и обреченным на погибель кораблем и впервые поняла, что она значит.

– Так вот что мы защищаем, – догадалась я. – Молитву, с помощью которой можно призвать Дракона. Она... здесь.

– На самом деле, только ее фрагмент, – мрачно пояснил

учитель Исао. – Видишь ли, Юмеко-тян, когда-то давно один человек загадал Дракону недоброе желание. Его исполнение повлекло за собой жуткие последствия. Тьма и хаос восторжествовали, и в стране едва не началась междоусобица. Чтобы никто впредь не поддавался искушению прибегнуть к драконьей силе, свиток с молитвой разорвали на три части и спрятали в разных частях Ивагото.

– Но... Я думала, Дракон выполняет только желания благородных смертных, – заметила я. – Тех, чья душа чиста. Как же у таких людей могут быть недобрые желания?

– Дорога в Дзигоку выложена благими намерениями, – проговорил учитель Исао. – А абсолютная власть способна соблазнить даже самое чистое сердце. Таково людское безумие. Оставим это. Теперь, когда ты, Юмеко-тян, знаешь, что именно мы защищаем, нам нужно соблюдать предельную осторожность. Вот почему мы живем так замкнуто, вот почему никогда не принимаем гостей. С приходом Дракона баланс сил изменится. В мире за стенами храма царит хаос. Люди борются за власть, движимые жаждой крови и жестокостью, они замышляют страшные вещи, мир завлакивает темная пелена страха. Наш долг – сделать так, чтобы Драконья молитва не оказалась во внешнем мире, защищать фрагмент свитка ото всех, кто хочет призвать Дракона. Это наша важнейшая обязанность, а теперь ее разделяешь и ты. Понимаешь, мой юный друг?

По спине у меня словно пробежал ледяной паук. Я кив-

нула.

– Кажется, понимаю, учитель Исао.

– Тьма подступает к нашим краям, лисичка. – Голос учителя стал тише, будто мысли его были где-то далеко. Он перевел взгляд на стену, чуть выше моей головы. – С каждым мигom она все ближе, и некоторых она погубит. Но если ты сумеешь от нее ускользнуть и удержаться на стороне света, тебя она не одолеет, – проговорил учитель, сощурился и посмотрел на меня. Потом он улыбнулся, и отчуждение пропало с его лица. – Кажется, я опять заболтался, да? – весело промолвил он. – Вроде бы у тебя есть еще дела на сегодня, верно, Юмеко-тян? Хм... А если хочешь не попасться на глаза Дэнге и Нитору, я бы посоветовал перелезть через западную стену. – С этими словами он поднялся, медленно мне подмигнув. – Увидимся за ужином. Передавай обезьянам мое почтение.

Шаркающей походкой он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, а я еще несколько минут просидела наедине со своими мыслями о зловещей истории про Дракона и исполнение желаний. Я и не знала, что в храме хранится великий и опасный артефакт, а учитель Исао и остальные – это не просто монахи, но защитники свитка с молитвой, которая может призвать божество.

Дракон восстает.

По спине опять пробежали мурашки. Меня поэтому привели сюда? Я всегда подозревала, что учитель Исао проверя-

ет меня, но понятия не имела зачем. Собственное будущее казалось мне туманным, я вообще редко о нем думала, куда больше заботясь о настоящем. В глубине души я была уверена, что когда подрасту и наберусь храбрости, непременно покину храм Тихих Ветров. Неужели учитель Исао хочет, чтобы я вместе с монахами защищала Драконий свиток? Неужели надеется, что я останусь здесь и буду охранять артефакт от тех, кто хочет призвать Дракона? До конца моих дней?

До самой смерти приглядывать за старым пыльным свитком? Нет, наверняка у него другое на уме. Я подумала о ежедневных занятиях с Дзином, который рассказывал мне о внешнем мире и о том, какова она, жизнь за стенами храма. Я никогда не встречала самураев, но читала о них в книгах и рукописях. Я знала названия кланов, их обычаи и историю Ивагото последних трех веков. Для чего учить меня этому, если я никогда не покину храм? Зачем мне столько всего знать о мире, который я никогда не увижу?

Нет, не может учитель Исао быть таким жестоким. Сморщив нос, я встала и отряхнула колени от пыли, решительно отказавшись от недавних догадок. *Вовсе я не сильная, никакой я не страж, не воин, управлять энергией ки не умею. Я кицунэ, которая только и может, что заставить чайник пуститься в пляс. К тому же у учителя Исао для защиты Драконьей молитвы есть Дэнга, Дзин, Сатоши и все остальные. Моя помощь им не нужна.*

Я шагнула к двери, стараясь избавиться от тяжести, кото-

рую вдруг ощутила в теле. Казалось, мир резко перевернулся. Словно приближалось что-то чудовищное, а я была не в силах это остановить.

Юмеко, ну прекрати. Да, теперь ты знаешь о свитке, но из этого вовсе не следует, что сюда тотчас же ворвется вор, жаждущий его похитить. Я опустила уши, стараясь убедить себя, что все это ужасно глупо и что мурашки по спине пробежали только из-за того, что учитель Исао – превосходный рассказчик. А не от зловещего предчувствия. Никогда не любила страшные истории. Надеюсь, прогулка по лесу поможет мне привести мысли в порядок.

Воспрянув духом, я приоткрыла дверь... и наткнулась на строгий, неумолимый взгляд. Молча приняв из рук Дэн-ги-сана метлу, я поплелась вон из комнаты. Когда я наконец закончила подметать веранду, ступеньки, дорожки, коридоры и прочие горизонтальные поверхности в храме и вокруг, история о свитке, Драконе и исполнении желаний уже давно вылетела у меня из головы.

3. Воин Тени

Ночь пахла смертями. Нынешними и грядущими.

Укрывшись среди корявых ветвей глицинии, я внимательно оглядывал владения господина Хинотаки, подмечая стражей, которые бродили туда-сюда. Я просидел на дереве почти час и успел запомнить окружающую обстановку до мелочей и до секунды рассчитать время смены караула. Луна стояла высоко в небе, и час Быка был в самом разгаре, когда свет в верхнем окне замка наконец погас.

Теплый ветер прошелестел по ветвям, среди которых я прятался, взъерошил мне волосы и шарф и принес с собой запах крови.

Сознание ослепила мощная вспышка волнения, принадлежавшего не мне. Камигороши, точнее демон, заточенный в Камигороши, беспокоился, предвкушая грядущую жестокость. Меч, чье имя в переводе значило «убийца бога», стал неотъемлемой частью моего «я» с тех самых пор, как меня сделали его хозяином. Сейчас мне семнадцать, и больше половины жизни ушло у меня на то, чтобы в полной мере овладеть своенравным оружием. Без тренировок и наставлений сенсея я бы давно поддался ярости и ненасытности демона, заключенного в мече. Он одолевал меня и теперь, требовал выхватить клинок, соскочить вниз и залить кровью земли, в которых я оказался.

«Терпение, *Хакаимоно*⁴, – сказал я демону и почувствовал, что он немного успокоился. – Твое желание скоро исполнится».

Я спустился по веткам на внешнюю стену, а потом побегал вдоль перил. Потрепанный шарф развевался у меня за спиной. Наконец я добрался до места, где угол голубоватой крыши замка максимально сближался со стеной. Крыша все равно была футов на пятнадцать выше, но я снял с пояса веревку с крюком, покрутил и забросил наверх. Крюк тихонько щелкнул, зацепившись за гирю в виде рыбы на углу здания, веревка натянулась, и я начал взбираться.

Стоило мне только убрать веревку, как я заметил внизу самурая, который патрулировал внутреннюю стену. Я мгновенно застыл, прислушиваясь к шагам, и замедлил дыхание, чтобы лучше себя контролировать. Мне нельзя испытывать ни страха, ни сомнений, ни злости, ни сожалений, иначе Хакаимоно завладеет моим разумом. Если бы я хоть что-нибудь почувствовал, то оказался бы во власти демона и уже не смог бы погасить его ярость. Я был пустым сосудом, оружием Клана Тени, и от меня требовалось лишь одно – выполнить свою миссию.

Самурай пошел дальше. Неподвижной тенью я следил за каждым его шагом, пока он не завернул за угол и не пропал из виду. А потом я бесшумно пошел по крыше, направляясь к главной крепости.

⁴ От яп. *Naikaïmono* – «разрушитель».

Подкравшись к распахнутому окну, я услышал негромкие голоса и замер. Пульс подскочил, Хакаимоно воспользовался мгновением моей слабости и потребовал, чтобы я разрубил говоривших на мелкие кусочки, пока они меня не заметили. Не обращая внимания на демона, я вжался в стену, а мимо прошли двое мужчин – судя по тяжелой походке, самураев.

– Это просто безумие какое-то, – сказал один. – Йодзи пропал, а теперь еще и Кентаро бесследно исчезает. Как будто нас пожирают сами стены! И господин Хинотака вдруг заперщает вход на верхние этажи! – Он понизил голос почти до шепота. – Возможно, всему виной призрак госпожи Хинотака. Ходят слухи, что ее отравили...

– Закрой свой глупый рот, – зашипел его собеседник. – Госпожу Хинотака сгубила болезнь. А ты держи свой грязный язык за зубами, пока он не довел тебя до беды.

– Говори, что хочешь, – сказал первый самурай, защищаясь от нападок. – Но замок с каждым днем становится все мрачнее. Я даже рад, что завтра уйду на задание, пускай оно и дурацкое. Не понимаю, зачем наш господин отправляет десяток солдат в горы Клана Земли искать этот древний артефакт.

Голоса затихли, в замке вновь воцарилась тишина. Я скользнул в окно и оказался в длинном и узком коридоре, полы и стены которого были сделаны из темного дерева. Единственным источником света была луна за окном, ко всему

вокруг льнули тени. Я пошел по коридору вглубь замка, внимательно прислушиваясь, не раздадутся ли голоса или чьи-то шаги. Но на этаже, кажется, не было никого, кроме двух стражей. По залам не ходили слуги, самураи не играли в го у себя в комнатах и не распивали sake. Страх пропитал все вокруг. Демон, заточенный в Камигороши, тоже это ощутил и воодушевленно всколыхнулся в моем сознании, зашевелился в нем, будто змея.

Лестница, ведущая на последний этаж крепости, располагалась в темном углу замка, в конце коридора. Ее никто не охранял. Сам воздух здесь был насыщен злом. По ступеням стекали бордово-черные завитки зловонного дыма, невидимые для людского глаза. Перила и деревянные ступеньки уже начали гнить, а пол вокруг лестницы казался трухлявым и ненадежным. Сквозь решетчатое окно в замок влетел белый мотылек и тут же, закружившись по спирали, упал замертво.

Крепче сжав зубы, я стал подниматься по лестнице, не обращая внимания на дым и стараясь его не вдыхать. Моему взору открылся верхний этаж с толстыми деревянными стенами и решетчатыми окнами, сквозь которые виднелось небо. Дым стелился по полу — он выползал из-под массивных деревянных дверей напротив.

Приложив к ним ладонь, я ощутил отравившую все внутри атмосферу болезни и толкнул створку. Из комнаты клубами повалил кроваво-черный гнилостный туман. Застыв на пороге, я всмотрелся в темноту. Стены и пол просторных по-

коев покрывала плотная белая паутина, свисавшая с потолка. Она окутывала колонны и стропила, колыхалась дырявыми занавесями на ветру. То тут, то там постукивали гроздя белоснежных костей, напоминавшие жуткие музыкальные подвески. На стенах неподвижно висело несколько коконов размером с человека.

Я переступил порог, и дверь со скрипом захлопнулась у меня за спиной. Паутина пристала к моим дзика-таби⁵, но меня это не остановило. Я шагнул дальше. Под ногами зашелестело, коконы вокруг задрожали, а кости застучали громче. Я и не думал таиться: цель была близка, игра в прятки потеряла всякий смысл.

Из темноты послышался тихий женский смешок, и волоски у меня на руках встали дыбом.

– Слышу шаги юношеских ног, – напевно произнес голос, чью хозяйку надежно скрывала паутина. – Неужели господин Хинотака прислал мне еще одну игрушку? Юную, симпатичную, жаждущую любви? Иди ко мне, сладенький, – жарким шепотом позвала она, а я схватился за рукоять Камигороши, чувствуя дикое предвкушение демона. – Я буду любить тебя. Я опутаю тебя любовью и больше никуда не отпущу.

Последние слова раздались прямо над моей головой, и Хакаимоно угрожающе запульсировал в моем сознании. Не глядя вверх, я инстинктивно упал на руки и вдруг почувствовал, как кто-то схватил меня за рукав. Вскочив, я развернул-

⁵ Традиционная японская обувь с «отдельным» большим пальцем.

ся: с потолка свисало огромное существо, восемь хитиновых лап взяли в кольцо то место, где я стоял секунду назад.

– Хитрый маленький жучок!

Чудовище расправило лапы и опустилось, а потом, щелкая когтями по полу, повернулось ко мне. Я увидел голову и туловище красивой женщины, приставленные к телу гигантского паука. Человеческую половину прикрывало элегантное черно-красное кимоно, но на фоне паучьей части оно выглядело до нелепого крошечным. Нависнув надо мной, дзёрогумо⁶ склонила голову набок и улыбнулась. Крошечные черные клыки сверкнули между полными красными губами.

– Кто это у нас тут? – с придыханием спросила она, когда я резко сел на корточки и схватился за меч. Хакаимоно, беспощадный и яростный, встрепенулся у меня в голове, обостряя мои чувства, наполняя воздух запахом крови. – Мальчик? Ты забрел ко мне в логово, потому что искал меня? – Она склонила голову на другую сторону. – Ты не похож на тех, кого присылает ко мне Хинотака. Те сперва гордые, а потом так сильно трясутся, мечутся, как перепуганные сверчки. Но ты... ты не боишься. Восхитительно.

Я молчал. Страх – самое опасное чувство на свете, его первым изгнали из моего тела. Сенсей учил меня, что страх – это отвращение, которое мы питаем к боли и страданиям. Самурай, встретив голодного медведя, боится не само-

⁶ Сказочное чудовище из японского фольклора, наполовину паук, наполовину – прекрасная девушка.

го хищника, а того, что он может с ним сделать. Бойтся когтей, способных разорвать его плоть, зубов, которые могут выгрызть жизнь из его костей. Меня научили терпеть то, что многие вытерпеть не в силах; слабость из моего тела выбили, выжгли, вырезали, выдрали, и оно стало оружием. Я не боялся ни боли, ни смерти, потому что моя жизнь мне не принадлежала. Гигантская человекоядная женщина-паук пугала меня не больше голодного медведя. В худшем случае она просто меня убьет.

Дзёрогумо хихикнула.

– Ну так иди сюда, жучок! – пропела она и протянула ко мне изящные белые руки. Ее голос стал умиротворяющим, почти чарующим. Он наполнил гудением мою голову, подмывал под себя волю и заткал паутиной разум. – Я чувствую в твоём сердце тоску одиночества. Позволь мне тебя полюбить. Позволь избавиться от тревог и печалей, которые отягощают твою душу. Ты изведешь сладость моего поцелуя и нежность моих объятий, а потом познаешь истинное наслаждение.

Дзёрогумо шагнула ближе. На губах у нее играла улыбка. Ее лицо застыло у меня перед глазами, закрыв собой все остальное.

– У тебя необыкновенно красивые глаза, – промурлыкала она. – Они похожи на лепестки цветков паслена. Так и хочется вырвать их и повесить в гостиной. – Она протянула руку и черными когтями коснулась моей щеки. – Прелестный юный

человечек... Уж сегодня-то мы познакомимся поближе. Как тебя зовут, жучок? Скажи мне свое имя, чтобы я с любовью шептала его, когда буду пожирать тебя без остатка.

Демон внутри меня улыбнулся, и я услышал, как мой собственный голос отвечает женщине-пауку, хотя слова были не мои вовсе.

– Мое имя тебе уже известно.

Я выхватил меч, и Камигороши тут же ожил и заполнил комнату зловещим алым сиянием. Дзёрогумо вскрикнула и отскочила. Ее безмятежное лицо исказила ненависть.

– Камигороши! – прошипела она, обнажив клыки. Черные глаза оценивающе сощурились. – Так значит ты убийца демонов Каге.

Холодно улыбнувшись, я шагнул вперед, ощутив, как по венам разливается сила меча, наполняя их яростью и жадой крови. Дзёрогумо отступила, паучьи ноги зацокали по полу, лицо в красном мерцании Камигороши заметно побледнело.

– За что? – требовательно спросила она, хищно растопырив длинные пальцы с острыми когтями. – Здесь у меня есть все, что нужно. Я забираю лишь тех, кто не верен Хинотаке, тех, кто оказался недостоин служить ему. Какое значение имеют для тебя жизни горстки самураев, убийца демонов?

Я не ответил, только продолжил наступать. Меч пульсировал у меня в руках. Я был не вправе подвергать сомнению приказы моего клана или причины, по которым ему хотелось убить этого ёкая. Хотя я бы мог предположить, что само по-

явление дзёрогумо на территории Клана Тени было достаточным поводом. Мы, семейство Каге, специализировались на тьме и лучше всех кланов в империи знали секреты теней и созданий, которые в них таятся. Я был в клане убийцей демонов – такова моя работа.

Дзёрогумо раздулась от злобы.

– Подлый человечиска! – процедила она, и между губами сверкнули черные клыки. – Ты меня не зарежешь, как зарезал Стоглазого Йаку или племя нэдзуми⁷ из деревни Хана. Я откушу тебе голову и выпью всю твою кровь, пока ты перерезаешь мне горло.

Она кинулась на меня черно-желтой молнией – на удивление проворно, учитывая ее огромные размеры, – но я ждал этого. Одна из лап опустилась на деревянный пол с такой силой, что доска раскололась пополам. Я успел отскочить, крутанулся и с размаху ударил ее Камигороши. Из лапы брызнула черная кровь, дзёрогумо яростно вскрикнула, а Хакаимон одобрительно застонал у меня в голове. Он упивался насилием и требовал, чтобы я дал ему волю. Но я не ослаблял самоконтроль, даже уворачиваясь от стремительных выпадов дзёрогумо, которая пыталась меня достать. Укрывшись в углу, я быстро прошептал заклинание на языке Тени, от меня отделился еще один Тацуми, и мы бросились в разные стороны.

Появление моего двойника сильно смутило дзёрогумо, и

⁷ Крыса-ёкай.

мы, воспользовавшись замешательством, окружили ее. Шипя, она повернулась к Тацуми, стоявшему слева, и ударила его лапой. Когти прошили мое отражение насквозь и врезались в доску, зеркальный образ растворился во мраке и исчез.

Желтоватая сукровица сочилась из паучьей раны и с шипением капала на пол, паутина вокруг дрожала от криков дзёрогумо.

– Злой человечиска! – завизжала она и резко повернулась ко мне, оставив за собой влажный и вязкий след. – Как ты посмел прикоснуться к моему прекрасному телу? – Дзёрогумо покачнулась и стала судорожно перебирать лапами, ища равновесие, а я вновь ринулся в атаку, целясь в место, где соединялись женская и паучья части тела, чтобы раз и навсегда рассечь его пополам.

При моем приближении дзёрогумо оскалилась.

– Да будут прокляты твои глаза! – прошипела она и выплюнула струю зеленой жидкости, которая тут же рассеялась в воздухе. Я отскочил, но ядовитая взвесь все же пристала к моему лицу, и глаза начало сильно жечь. Быстро моргая и пошатываясь, я отошел в сторону, не опуская Камигороши, и обтер лицо рукавом. Сквозь плотную пелену слез я разглядел мутное черно-желтое пятно и обрушил на него яростный удар. Меч стукнулся обо что-то огромное, а хитиновая лапа, будто гигантский молот, сбила меня с ног и отшвырнула в сторону. Камигороши вылетел у меня из рук, я покатился по

полу, путаясь в липкой паутине, и врезался в стену.

Оглушенный, по-прежнему полуслепой, с разъяренным Хакаимоно в сознании, я поднялся и стал судорожно искать меч, но тут у меня выбили землю из-под ног. Я рухнул на живот, огляделся и увидел плотные веревки, скрученные из паутин. Они опутывали мои лодыжки и тянулись из брюшка дзёрогумо. Она улыбнулась, обнажив черные клыки, и потащила меня к себе, словно рыбу.

– Иди же ко мне, вкусный маленький жучок, – ворковала она, пока непреодолимая сила тащила меня к ней. Я перевернулся на спину и попытался сорвать паутину с ног, но веревки оказались прочнее шелковых и не поддавались. Я в отчаянии огляделся, ища что-нибудь, что помогло бы мне освободиться, ругая себя за ошибку и представляя, что скажет Итиро, если меня сожрет дзёрогумо. Я шарил по полу в поисках острой кости или обломка лезвия, но нашел только пыль и несколько мелких косточек, запутавшихся в паутине.

– У меня для тебя особый подарок, человек, – сказала дзёгуромо, продолжая волочить меня по полу. – Ты станешь гнездом для моего нового выводка. Я отложу яйца тебе в желудок, и ты будешь жить, пока они не вылупятся и не сожрут тебя изнутри. – Она хихикнула сквозь сжатые зубы и задумчиво пробормотала: – Как знать, может, эти мои детки будут сильнее предыдущих, благодаря тому, что выкормлены внутренностями убийцы демона?

Я был всего в нескольких ярдах от огромного ёкая, так

близко, что видел триумф, пылающий в черных глазах, яд, стекающий с алых губ, и от отвращения все внутри меня сжалось. Дзёрогумо не оставила мне выбора. Я упал на спину, расслабился, закрыл глаза и позволил демону меча овладеть своим сознанием.

Он тут же откликнулся и осветил мрак ослепительной вспышкой, наполнив меня яростью. Рукоять меча впилась мне в руку, когда я крепко сжал ее и открыл глаза.

Прямо надо мной была распахнутая пасть дзёрогумо и кривые черные клыки целились мне в горло. Я увидел собственное отражение в ее взгляде, увидел свои глаза, пылающие алым огнем, и заметил, как на лице ее мелькнул страх, когда она поняла, что оказалась в ловушке. Опьяненный жаждой крови, Камигороши сверкнул, и дзёрогумо с громким криком отшатнулась, закрывая лицо руками.

Я разрезал опутавшие меня веревки, вскочил на ноги и по самую рукоять вонзил меч в луковичеобразное тело ёкая, нависшее надо мной. Дзёрогумо на мгновение застыла, а я в это время пробежал под ней, разрезая мечом круглое брюхо, пока не пропорол его насквозь.

Тяжело дыша, я опустил Камигороши. На пол ручьями текла желтая паучья кровь. Дзёрогумо с пронзительным криком рухнула на бок, заскребла когтями по дереву и забилась в конвульсиях, судорожно хватая ртом воздух. Потом сложила лапы на вспоротом животе и затихла.

Этого мало. Хакаимоно все бесился у меня в голове – ему

хотелось еще. Больше крови, больше убийств. Его ярость не уменьшилась ни на йоту – и ее невозможно было утолить. И хотя лишь крошечный кусочек моей души был отдан в жертву мечу, демон вонзил свои когти куда глубже, силясь поработить меня без остатка. Глубоко вздохнув, я прогнал все мысли и чувства, вновь превратив себя в пустой сосуд без малейших слабостей, при помощи которых мной можно было манипулировать. Демон всегда отступал неохотно: он боролся со мной, жаждал, чтобы я вновь погрузился во мрак, но я сосредоточился на том, чтобы ничего не чувствовать, чтобы стать никем, и Хакаимоно наконец ослабил хватку.

– Что ты наделал? – раздался позади испуганный голос.

Я обернулся, вновь схватившись за меч, и увидел на пороге коренастого мужчину средних лет. На нем было красивое сине-серое кимоно, а изнеженное, рыхлое тело свидетельствовало о том, что ел он всегда досыта и восседал на мягких подушках. Его круглое лицо было белее мела.

– Ты убил ее, – выдохнул он, в отчаянии глядя на скорченный труп дзёругумо. – Убил! За что? Да ты хоть понимаешь, что натворил?

Я не ответил. Само собой, я понимал, что убил ёкая, которого мой клан поручил мне уничтожить. Причины не имели значения. Я был оружием – только и всего. А оружие не ставит под сомнения намерения тех, кто им пользуется.

– Как ты мог? – простонал мужчина, сделав несколько шагов. – Ведь она заботилась обо мне. Дарила мне любовь. А

от моей злобной жены можно было ждать только ехидства и осуждения. Даже слуги насмеваются надо мной и сплетничают у меня за спиной. А это создание... – он с тоской взглянул на безжизненное тело, – освободило меня. Она обещала исполнить мое сокровенное желание, мою самую заветную мечту. – Взгляд его ожесточился, толстый подбородок затрясся, когда он выпятил нижнюю челюсть. – Я бы с радостью скормил ей хоть тысячу человек в благодарность за то, что она мне дала.

Ноги у господина Хинотаки задрожали, и он рухнул на колени, не сводя глаз с трупа дзёрогумо, лежавшего позади меня.

– Кем бы ты ни был, – дрожащим голосом проговорил он, – немедленно покинь мои владения, пока я не позвал стражу. Полагаю, тебя подослали убить чудовище из замка Усугурай, и ты свое дело сделал. А теперь уходи, и пусть тебя покарает тысяча демонов мести! Ты достиг своей цели, так что оставь меня наедине с моим горем.

– Еще не время, – тихо проговорил я и вновь вскинул Камигороши. – Чтобы завершить миссию, я должен убить еще одно чудовище.

Хинотака нахмурился, но миг спустя его глаза округлились, и он схватился за кинжал на поясе – слишком поздно. Одним плавным движением Камигороши отсек ему голову, и она упала на пол, подскочила, покатилась и замерла рядом с трупом дзёрогумо. Безголовое тело с глухим ударом рух-

нуло вниз, заливая алым ковер из паутины.

Я стер кровь с Камигороши и посмотрел на обезглавленного господина, упокоившегося рядом со своим чудовищем. Убийство Хинотаки не принесло мне радости. Его смерти требовал клан, а я был лишь инструментом, исполнявшим приказ. Хозяин замка Усугурай убил собственную жену в угоду дзёрогумо и поставлял ей слуг, потворствуя желаниям чудовища, но он был лишь марионеткой. Дзёрогумо была двухсотлетним ёкаем, который уже много лет мучил жителей Ивагото. Она пробиралась в пустующие части замков, соблазняла их хозяев обещаниями любви или власти, а потом медленно съедала всех местных жителей. В конце концов она неизбежно добиралась до хозяина, обездвигивала его и прятала у себя в логове, а потом покидала замок и растворялась во мраке. Ее последнюю жертву обнаруживали несколькими днями позже: та, как правило, висела, окутанная паутиной и выеденная дочиста паучатами, прогрызавшими себе ход наружу. На какое-то время дзёрогумо пропадала, и истории о ней превращались в слухи и легенды, но спустя двадцать лет непременно возвращалась, обживалась в новом замке, и все повторялось.

Но больше этому не бывать. Чудовище мертво, и впредь ни один человек не станет жертвой паучьей ненасытности. Хинотака был последним. Откуда Каге узнали, когда и где она появится, и почему поручили убить ее именно сейчас, мне было неведомо. Но мое дело было не задавать вопросы,

а выполнять приказ.

Я взглянул на труп Хинотаки, и во мне вспыхнула слабая искра жалости. Он был лишь одним из множества жертв ёкаев, но что заставило этого человека впустить чудовище в замок – и уж тем более в свое сердце? Этого я не мог понять, впрочем, это не имело значения. Хинотака мертв, и смерть его была далеко не столь мучительной, как та, что уготовила ему дзёрогумо.

Убрав меч в ножны, я вышел из комнаты, выбрался через окно на крышу башни и затерялся в ночи.

Когда я добрался до городской окраины, что была примерно в полумиле от замка Усугурай, пошел сильный дождь. Прокравшись по крыше двухэтажного здания, которое служило местом встречи для тех, кого отправили на задание, я перевесился через край и скользнул в открытое окно.

В деревянный подоконник тут же воткнулся сюрикен – четырехконечная железная звезда. Я быстро пригнулся и откатился в сторону, а затем встал в оборонительную позицию и схватился за меч, но из темноты послышался раскатистый смех, и из-за угла выплыла чья-то тень.

– Ой, извини, Тацуми-кун, – весело прошелестел женский голос, и я разглядел улыбающуюся Аяме. Как и я, она была одета в черное, с наручами и в дзика-таби. Длинные волосы были собраны на затылке. Рукоять короткого меча торчала у нее над плечом, а на поясе висела кусаригама – цепь с сер-

пом. — Мне показалось, в окно лезет огромная мокрая крыса!

— Аяме. — Я осторожно выпрямился, наблюдая за тем, как легко она шагает к окну и выдерживает сюрикен из дерева. Мы воспитывались вместе с самого детства, вместе осваивали искусство шиноби. Сейчас уже трудно вспомнить наверняка, но вполне возможно, она была моей лучшей подругой. Это было до того, как мадзуцуши, волшебники из Клана Тени, выбрали меня в качестве нового хозяина Камигороши и забрали для отдельного обучения. До недавнего времени мы с Аяме не встречались, и за эти годы оба успели измениться. Я стал убийцей демонов Каге, а она — искусным шиноби. Теперь понятно, что она здесь делает, почему скрывается в тени и так быстро реагирует на появление незнакомцев.

— Где учитель Итиро?

— Здесь.

Дверь распахнулась, и в комнату бесшумно вошел невысокий мужчина средних лет, наружность которого быстро выветривалась из памяти — на что и был расчет. Он двигался с изяществом, весьма удивительным для человека с такой скромной внешностью, а пронзительные черные глаза смотрели зорко, по-ястребиному.

Аяме вновь спряталась в тени. Я опустился на колени и склонил голову, затылком чувствуя взгляд учителя.

— Ты сделал, что было велено? — низким голосом спросил он.

— Да, сенсей, — ответил я, не поднимая глаз.

– А что Хинотака?

– Все цели были уничтожены, сенсей.

– Замечательно. – Я почувствовал, как он кивнул. – Клан будет доволен. Тебя не ранили?

– Дзёрогумо плюнула ядом мне в глаза, – ответил я. – Но я их промыл.

– Выходит, ты был невнимателен, – недовольно проворчал учитель. – Я же тебе говорил: пауки плюются, если их загнать в угол. Пришлось ли призывать силу Хакаимоно?

– Да.

– *Vakamono*⁸. – От резкого удара по голове я лишь слегка покачнулся, так как ждал его. Итиро негодуяще фыркнул. – Уже второй раз за последнюю пару месяцев, Тацуми. Ты теряешь бдительность.

Я уперся ладонями в пол и поклонился еще ниже, коснувшись лбом татами.

– Простите, сенсей, в следующий раз буду старательней.

– Если так дальше пойдет, следующего раза для тебя уже не будет, – прорычал Итиро. – Продолжишь пользоваться силой демона – и однажды она возьмет над тобой верх. Одна осечка, одна смерть, которой не требовал клан, – и они убьют *тебя*, Тацуми. А мне только и останется, что совершить сэппуку⁹, потому что я не смог обучить тебя самоконтролю.

– Ну же, Итиро-сан, – произнес новый голос, высокий, с

⁸ Дурак, идиот, глупец (яп.).

⁹ Ритуальное самоубийство.

придыханием, и в комнате послышалось шуршание штанов хакама. — Будь с мальчиком помягче. Мы велели ему убить опасного двухсотлетнего ёкая, который многие годы ел людей, и предателя, который замышлял недоброе против Каге. Он выполнил свою задачу, и клан им доволен.

Я поднял голову и заморгал от яркого света: в комнату вошел человек с лампой в руке. Он был худым, как жердь, в черном халате с россыпью белых цветков сакуры, а тонкие пальцы сжимали белый шелковый веер. Изящный подбородок украшала борода. Он поднял бровь, такую тонкую, будто ее нарисовали тушью, и посмотрел на меня так, словно я был любопытным насекомым, выползшим из щели между половицами.

— Так вот он какой, наш маленький убийца демонов? — спросил незнакомец, склонив голову набок и прикрыв веером нос. Я чувствовал, что под тонким шелком он посмеивается надо мной. — Как... неожиданно. Что ж, Итиро-сан, прояви вежливость. Неужели ты меня не представишь?

Итиро вздохнул.

— Тацуми, это Каге Масао, — неприветливо произнес сенсей. — Он почтил нас своим присутствием, поскольку является главным советником самой госпожи Ханшу.

Госпожи Ханшу? Даймё¹⁰ семейства Каге? Во мне шевельнулось удивление. Госпожа Ханшу была неуловимой главой Клана Тени, загадочной женщиной, о которой ходило мно-

¹⁰ Военный феодал.

жество слухов, которую никто не видел и о которой редко упоминали, боясь, как бы не услышали ее шпионы. Она почти никогда не покидала своих покоев в замке Хакумей, куда довелось заглянуть очень немногим. Поговаривали, что Ханшу окружила себя опаснейшими шиноби во всей стране и верность их была так велика, что они отрезали себе языки, дабы не выдать ее тайн. Про саму же Ханшу говорили, будто она бессмертна, но даже собственный клан толком не знал, кто она и как выглядит. Большинство завеса тайны вполне устраивала.

– Не стоит так удивляться, Тацуми-сан. – Масао с щелчком закрыл веер и сложил длинные пальцы домиком. – Госпожа Ханшу пристально следит за твоими успехами, и твои многочисленные победы привлекли ее внимание. Именно поэтому я здесь. Она хочет познакомиться с тобой лично, юный убийца демонов. И мне поручено привести тебя к ней. Сегодня.

– Ну чего ты рот раззявил, как рыба, выброшенная на берег? – проворчал Итиро, не успев я ничего ответить. – Иди приведи себя в порядок. Ты похож на крысу-утопленницу. Нельзя допустить, чтобы ты предстал перед даймё Клана Тени в таком виде.

Я поклонился мужчинам и повиновался. Выскользнув из комнаты, я поспешил по лестнице на первый этаж.

Я встречу с даймё Каге, с главой Клана Тени. Все внутри сжалось от дурного предчувствия. Хакаимоно тут же про-

будился ото сна – его привлёк проблеск моих эмоций, но я быстро усмирил его, повелев себе освободиться от всех чувств. Умом я понимал, что это большая честь: госпожа Ханшу соглашалась почтить своим присутствием очень немногих, ещё реже даймё Клана Тени говорила с кем-нибудь с глазу на глаз. Обычно задания мне передавали через Итиро и другого сенсея, госпоже Ханшу ни к чему было сообщать их лично. Я слышал о самураях, получавших награды и почести за свои великие деяния и доблестные поступки, но перед такими, как я, эти двери были закрыты. Я убивал демонов, чудовищ и ёкаев, потому что в этом был смысл моего существования. А оружие не нуждается в признании или прославлении за то, что выполняет свою работу.

Так для чего госпоже Ханшу встречаться со мной?

Спустившись на первый этаж, я последовал за слугой в маленькую ванную комнату, где меня, как и всегда, уже ждали целители из Клана Тени в пепельно-серых халатах. После каждой миссии они с неизменной врачебной отстранённостью осматривали мое тело.

– Снимите оружие и одежду, – скучающим тоном велел мне один из них и указал на стул посреди комнаты. – А потом садитесь. Давайте закончим со всем побыстрее.

Я повиновался и быстро разоружился – достал сюрикен, «кошку», кунай¹¹ и метательные ножи, спрятанные в наручах, а потом поставил в угол Камигороши. Слуга и целители

¹¹ Разновидность японского кинжала.

старались держаться от меча подальше, будто он был жутким чудовищем, готовым кинуться на них при любой возможности. И я знал, что ко мне они относятся примерно так же. Всем Каге было прекрасно известно о проклятии Камигороши, и потому они общались со мной как можно меньше, чтобы ненароком не пробудить демона. В детстве я чувствовал себя ужасно одиноко, потому что все шарахались от меня, как от чумного. Но теперь мне было все равно.

Ставив с себя насквозь промокший костюм, я сел, и целители приступили к осмотру. Один запрокинул мне голову, чтобы проверить глаза, а второй занялся моим боком.

– Гм-м-м, – бормотал он, то нажимая, то постукивая, то пощипывая. От каждого прикосновения тело пронзала острая боль, и я сжимал зубы, чтобы не издать ни звука. – Трещина в ребре, несколько серьезных ушибов, но переломов нет.

Второй целитель раздвинул мне веки и повернул мою голову к свету.

– В глазах следы яда, но, к счастью, его слишком мало, так что вы не ослепнете. Дзёрогумо вас не кусала? – спросил он.

– Нет.

– В таком случае во время нашего разговора ваши внутренности не расплавятся. Приятно слышать. А еще вам удалось не растратить всю свою кровь, поздравляю. Уж очень мы устали от того, что вы заявляетесь посреди ночи в полумертвом состоянии. – Он отпустил мой подбородок и жестом

подозвал слугу. – Мы закончили. Вымой его, обработай раны и отправь к учителю Итиро, как закончишь.

Целители вышли из комнаты. Слуга тихо поклонился, взял ведро холодной воды, стоявшее рядом со стулом, и вылил его мне на голову. Спину словно царапнули ледяные грабли, но я не шелохнулся. Слуга смыл грязь и сажу с моего тела и чистил раны от грязи, пока кожа вокруг них не стала розовой. Затем он вновь окатил меня водой, перевязал и ушел, не сказав ни слова.

Встав, я огляделся и увидел на краю ванной чистую одежду, оставленную другим слугой: штаны хакама, сизый пояс оби и черную рубашку хаори с белым полумесяцем и затмевающей его черной луной – гербом Клана Тени – на спине.

Итиро и Масао ждали меня в соседней комнате. Они тихо переговаривались, а между ними стояли две чашки с саке. Аяме я не заметил, но знал, что она рядом. Сенсей что-то неразборчиво проворчал, когда я шагнул на татами и, сев на пятки, низко поклонился. Каге Масао с почти хищной улыбкой наблюдал за тем, как я касаюсь лбом пола.

– Ну наконец-то, – буркнул Итиро, когда я поднял голову. – Что ж, надо сказать, ты выглядишь так, будто тебя пожевала собака, но зато больше не похож на крысу-утопленницу. Перед домом ждут два каго, они отвезут вас с Масао-саном на другой конец города. Ты готов?

– Да, сенсей.

– Отлично! – Масао-сан поднялся, шурша одеждой и ве-

ером. – Тогда пойдем, маленький убийца демонов. Нельзя заставлять Ханшу-саму ждать.

Он вышел из комнаты. Я собрался последовать за ним, но учитель Итиро схватил меня за руку, впившись в кожу грубыми пальцами, и потянул к себе.

– Послушай меня, мальчик, – прорычал он, а я покорно застыл. – Тебе предстоит встреча с самым главным человеком в Каге, с лидером Клана Тени. Не посрами меня. Если ты в разговоре с госпожой опозоришь меня, уверяю, сегодняшняя битва с ёкаем покажется тебе легким массажем по сравнению с тем, что я с тобой сделаю. Ты меня понял?

– Да, учитель Итиро.

– Вспомни, чему мы тебя учили. И повтори сейчас же.

– Я ничто, – машинально произнес я. – Лишь оружие в руках Каге. Я живу для того, чтобы быть хозяином Камигороши и подчиняться приказам Клана Тени.

– Хорошо. – Он кивнул и отпустил меня. – Не забудь об этом, когда будешь говорить с госпожой. А теперь ступай.

Каге Масао стоял на крытой веранде и неприязненно поглядывал на дождь, держа над собой разноцветный зонтик. Четыре крепких носильщика и два каго – одноместных паланкина из лакированного дерева – поджидали нас у лестницы. Я еще ни разу не ездил в каго – в них обычно путешествовала знать и важные персоны, а не безродные убийцы. Но, окинув взглядом Каге Масао и его струящиеся одежды, я подумал, что такие люди не путешествуют верхом и уж точ-

но не ходят пешком.

– Ну что за жуткая погода! – Он со вздохом прикрыл лицо веером, будто его оскорблял сам дождь. – Впрочем, такому захоластью она к лицу. Как же мне не терпится отсюда уехать. – Каге Масао взглянул на меня, ослепительно улыбнулся и жестом указал на каго. – Что ж, Тацуми-сан! Не пора ли нам в путь?

Поездка по небольшому городку много времени не заняла, и вскоре слуги распахнули дверцу каго. У грязной дороги стоял высокий двухэтажный рёкан – местная гостиница. Мы зашли внутрь, поднялись по лестнице и остановились у двери в конце длинного коридора. Я остался ждать снаружи, а Масао вошел в комнату. Через мгновение слуга вновь отодвинул дверь в сторону, выпустив клубы серого дыма, и пригласил меня войти. Комната была окутана сумраком и пахла табаком и ладаном. Я осторожно переступил порог, и когда дверь за мной закрылась, упал на колени и прижал лоб к татами.

– Каге Тацуми, – промурлыкал Масао. – Убийца демонов.

– Подойди сюда, мальчик, – проскрежетал незнакомый голос, поразивший меня жестокими нотками. – Выйди на свет. Хочу поглядеть на хозяина легендарного Камигороши.

Сморгнув густой дым, я поднял голову и медленно пополз вперед на коленях, силясь заглянуть за лампу, горевшую на краю низкого столика. Бутылки саке выстроились на блестящей столешнице, словно отряд воинов, защищающих своего

генерала. Ладан курился в воздухе плотным туманом, сильно пахло дымом и сандаловым деревом.

Сквозь сизую дымку и бутылочное стекло я различил лицо говорившей и тут же сжал челюсти, чтобы сдержать судорожный вдох. Лишь благодаря многолетним тренировкам мне удалось сохранить невозмутимый вид. Казалось, лицо госпожи Ханшу сперва содрали, хорошенько избили, бросили выгорать на солнце и только потом вернули на голову, державшуюся на морщинистой шее. Складки кожи свисали с тонких, как палочки, рук, сморщенные ладони напоминали птичьи лапы; пальцы так крепко сжимали трубку с длинным мундштуком, словно это была единственная связь госпожи с миром живых. На голом черепе виднелось несколько тонких седых волосков, они колыхались в воздухе, как нити паутины. Один глаз с бельмом был полуприкрыт, а второй сверкал грозно, на грани безумия.

Я все молчал, и госпожа Ханшу улыбнулась мне широкой беззубой улыбкой.

– Не такого ты ожидал, да, убийца демонов? – хихикнула она. – Гляди, сколько душе угодно, но от того мое лицо симпатичнее не станет.

Я тут же прижался лбом к татами, но госпожа Ханшу только фыркнула.

– Вставай, мальчик. – В ее голосе слышалось нетерпение. – Я хочу посмотреть тебе в глаза. Милостивые Ками, да ты еще совсем юный, – воскликнула она, когда я поднял-

ся. – Сколько тебе? Четырнадцать? – Не дожидаясь ответа, она шлепнула Каге Масао по ноге тыльной стороной ладони. – Масао-сан! Сколько ему лет?

– Семнадцать, моя госпожа.

– В самом деле? – Лицо Ханшу удивленно вытянулось. – На вид он гораздо младше. Хотя все вы мне кажетесь детьми.

Она потянулась за бутылкой саке, каким-то чудом не задев те, что уже успели опустеть. Масао взял бутылку и налил ей рисового вина. Осушив чашку одним глотком, госпожа Ханшу кивком повелела плеснуть еще.

– А ты неплохо скрываешь отвращение, – заметила она, и я вздрогнул, поняв, что она обращается ко мне. Госпожа Ханшу сверлила меня пристальным взглядом зрячего глаза. – Уж получше, чем Итиро-сан и даже сам Масао-сан. Я ведь не всегда была такой. – Она затянулась, выдохнула, и завитки дыма опутали меня, словно цепкие щупальца. – Я была так красива, что сам император Тайо но Гинтаро хотел жениться на мне и все убивался, когда я отказала.

Имя этого императора было мне незнакомо. Нынешнего императора, правящего из Дворца Солнца, звали Тайо но Гэндзио, а его предшественником был Тайо но Эйичи. Не зная, что ответить, я молчал. Ханшу продолжала внимательно меня разглядывать. Губы ее сложились в кривую улыбку.

– Я могла бы украсть даже твое сердце, убийца демонов, – лукаво проговорила она скрипучим голосом. – Заставить тебя жаждать меня так, как демон в твоём мече жаждет битвы.

И ты не смог бы устоять. Как тебе идея?

Масао прочистил горло.

– Моя госпожа, времени мало. В такую погоду вам нельзя долго оставаться вне дома. Нам нужно сегодня же вернуться в замок Хакумей.

Ханшу надулась.

– Что ж, хорошо, – вздохнула она. – Пожалуй, не буду больше дразнить мальчика. Но какой же ты скучный, Масао-сан.

Немного выпрямившись, она взяла трубку в рот и посмотрела на меня сверху вниз.

– Убийца демонов Каге, я пригласила тебя сюда ради очень важной миссии. Сегодня я отправлю тебя на задание, для которого ты был рожден.

Она подала знак Масао, и тот шагнул вперед и разложил на столе передо мной несколько листов. Там были проездные документы с печатью даймё – бумаги, позволявшие свободно пересекать земли других кланов. Меня это удивило, но лишь на мгновение. Официально в стране царил мир. Последний император запретил открытые военные столкновения, и кланы наслаждались редким затишьем после долгих веков кровопролития. Но слишком сильна была вражда между Великими Кланами, слишком много злобы питали они друг к другу и слишком много поводов для мести лелеяли, и потому достаточно было одной стычки, одного оскорбления, чтобы даймё снова вцепились друг другу в глотки. Если меня пой-

мают на чужой территории без разрешения, это вполне могут счесть поводом к войне. И хотя сам я был уверен, что меня не схватят, мне были понятны предосторожности госпожи Ханшу.

Еще среди бумаг лежал свиток. Я развернул его и увидел карту гор на территории Клана Земли. По карте змеилась река, она перерезала лес и равнины и убегала на север. Я решил, что это Хотару Кава, река, текущая до Кин Хейген Тоши, столицы в самом сердце земель Клана Солнца. Однако мне нужно было вовсе не в столицу. Моя цель была отмечена крестом на вершине самой высокой горы.

– Храм Тихих Ветров расположен в горах Ниваки, у восточных границ земель Цучи, – сообщила госпожа Ханшу, подтверждая мои подозрения. – Подойдешь к воротам и притворишься путником, которому нужен ночлег. Если тебя пустят – замечательно. Если нет – проникнешь в храм иным способом. Неважно, как именно ты туда проберешься, – важно найти то, за чем тебя посылают.

– Понял, – ответил я. Обыкновенно в храмы меня не отправляли – большинство монашеских орденов были мирными и безвредными и предпочитали держаться в стороне от политики и клановой борьбы. Но кто я такой, чтобы спорить с даймё. – Кто моя цель?

– Ты проберешься туда не для убийства, – ответила госпожа Ханшу, и ее слова искренне меня удивили. – Ты должен принести мне одну вещь. Хотелось бы, конечно, обо-

тись без кровопролития, но твои таланты могут пригодиться. Я отправляю на задание именно тебя, Тацуми, потому что, по словам Итиро, ты лучший среди шиноби, а забрать то, что мне нужно, будет не просто даже такому искусному воину, как ты. – Она сощурила здоровый глаз и заговорила куда жестче: – Но ты *обязательно* должен принести мне то, что я попрошу. Меня не волнует, какую цену ты заплатишь и кого для этого придется убить. И не смей возвращаться с пустыми руками – таков приказ твоего даямё! – Голос у нее сделался еще суровее и превратился в скрипучий рык, от которого у меня по спине побежали мурашки. – Убийца демонов Каге, знай: если ты меня подведешь, последствия будут ужасны. Мы следим за тобой, и Клан Тени не потерпит неповиновения. Ты меня понял?

– Госпожа, моя жизнь принадлежит Каге, – сказал я, прознося ровно то, чего от меня ожидали, и снова низко поклонился. Не важно, насколько искренними были мои слова – это не мешало им быть правдивыми. – И вам. Я вас не подведу. Только расскажите, что я должен найти, и я все сделаю. Зрячий глаз госпожи Ханшу лихорадочно сверкнул в полумраке, а губы изогнулись в полуулыбке.

– Один свиток, который я потеряла много лет назад, – прошептала она.

4. Чай у Тануки

Как же мне не нравилось зажигать свечи в главном зале!

Двести семьдесят семь. Двести семьдесят семь расставленных по всей комнате свечей, которые нужно зажечь. По очереди. Каждый вечер, перед закатом. Чтобы монахи могли предаться вечерним медитациям. Не помню, когда это официально вошло в мои обязанности, кажется, Дэнга или Нитору предложили идею учителю Дзину, старому монаху, отвечавшему за главный зал, со словами, что это «научит меня терпению и усердию». Разумеется, для выполнения подобной задачи нужно и то и другое. Зал был огромным, с высоченными колоннами и полами из темного дерева, натертыми до зеркального блеска, так что в них отражался огонек каждой свечи. В глубине зала стояла громадная статуя Нефритового Пророка, чьим учениям стремились следовать все монахи. Окон не было, солнечный свет проникал только через дверной проем, поэтому там всегда было темно и тихо. От горящих свечей поднималось смутное оранжевое сияние, которое превращало зал в обитель теней и танцующих огоньков.

Но на то, чтобы их зажечь, уходила целая вечность!

Я вздохнула и, опустив подсвечник, печально оглядела комнату. Как же много еще осталось! Пока горели только свечи на алтаре, да и то не все. Если бы можно было зажечь

их все разом...

Губы растянулись в проказливой улыбке. А ведь я же могу это сделать! В конце концов, я кицунэ! А кицунэ-би – это огонь! Волшебный огонь, которым нельзя обжечься и которым куда проще управлять, чем обычным пламенем. Монахам, само собой, не понравится. Нитору и Дэнга точно этого бы не одобрили, но они вообще не одобряли ничего из того, что я делала.

Я задула свечу и опустила ее на пол. Затем прикрыла глаза, поднесла руку к лицу и призвала свою волшебную силу. На ладони вспыхнуло и заплесало призрачное бело-голубое пламя; вторя ему, затанцевали на колоннах жутковатые тени. Разгоревшись, пламя превратилось в огненный шар, и я увидела на стене храма свою тень – человеческую фигуру с острыми ушками и пушистым хвостом.

Вскинув голову, я очертила рукой полукруг, и огоньки кицунэ-би разлетелись во все стороны, звездопадом рассыпавшись по залу. Я довольно огляделась: на каждой фитильке дрожало голубовато-белое пламя. Как по мне, лисий огонь был куда красивее обычного, хотя с ним вид у зала стал жутковатый.

Но свечи горели – это главное. А до вечерних медитаций оставался еще час-другой. Пока что я совершенно свободна. Отряхнув руки от пыли, я поспешила к выходу, как вдруг снаружи послышались голоса.

Я замерла, потом по стеночке дошла до двери и выгляну-

ла наружу. По лестнице в главный зал поднимался Дзин, но хуже всего было то, что он был не один, а с Дэнги.

О нет. Я испуганно прижала уши к голове и отскочила назад. Если меня поймают, то, скорее всего, начнут читать нотации о том, как важны в работе *терпение* и *усердие*. Возможно, даже запретят пользоваться магией. И наверняка заставят все переделывать и вновь зажигать свечи, но на этот раз уже под присмотром.

Спрятаться. Мне срочно нужно где-то спрятаться.

Я понеслась к дальней стене и, прошептав извинения, протиснулась за высокую статую Нефритового Пророка. Секунду спустя тишину нарушил громкий вопль.

– Лисий огонь! – Эхо шагов Дэнги разнеслось по залу, и я осторожно выглянула из-за статуи, чтобы понаблюдать за ним. Он в ярости метался по комнате, а кицунэ-би отбрасывал дрожащие белые отсветы на его разъяренное лицо. – Эта чертовка зажгла свечи лисьим пламенем! Нет, ну надо же... – прокричал он, брызжа слюной. – Я до нее доберусь...

– Будет вам, Дэнга-сан, – слышался голос Дзина, спокойный и даже немного веселый. – В конце концов, она еще ребенок, к тому же кицунэ. Она не понимает...

– Ну уж нет! – Дэнга еще раз резко развернулся и оглядел зал, а потом решительно направился к выходу. – Все зашло чересчур далеко. Теперь-то точно ясно, что в девчонке больше лисьего, чем человеческого, и что природа ёкая в ней затмевает людскую природу. Нужно что-то делать. Больше я

эти выходки терпеть не намерен.

– Что вы задумали, Дэнга-сан? – сощурился Дзин.

– Хочу поговорить с учителем Исао и убедить его, что нужно с этим заканчивать, – ответил Дэнга, и у меня внутри все сжалось. Он переступил порог, и его голос поплыл вверх по ступеням. – Пора лишить ее лисьей магии. Пока мы не обнаружили в наших рядах настоящего демона.

Мое сердце бешено заколотилось. Дзин проводил взглядом Дэнга, который спешно покинул зал, вздохнул и принялся задувать кицунэ-би на свечах. Огоньки он гасил по очереди, медленно и сосредоточенно, полностью погрузившись в это занятие. Я знала, что через несколько минут он закончит и уйдет, но мне не хотелось здесь оставаться: я боялась, что Дэнга вернется с учителем Исао и исполнит свое обещание. А попытаюсь я выскользнуть из зала, Дзин непременно бы меня заметил. К счастью, в рукаве у меня оставался запретный козырь.

Я опустилась на колени, нащупала на полу нужную дощечку и отодвинула ее, открыв проход на нижний этаж. Для обычного человека – даже для маленького! – лаз был слишком узким. Но я была не просто человеком. Я была кицунэ.

Зажмурившись, я вновь призвала свою силу, и сердце забилось в предвкушении. По большей части лисья магия и впрямь сводилась к обману и хитрости, как любил говорить Дэнга. К тому, чтобы заслонять правду иллюзиями, заставлять других видеть и слышать то, чего на самом деле нет.

Создавать безупречные копии, которые не реальнее отражения в зеркале. Но была одна форма, которую я могла принимать, хотя мне строго-настрого запрещалось делать это без разрешения.

Но сегодняшний день как нельзя лучше подходил для того, чтобы нарушить все запреты.

Тело налилось теплом, и я ощутила, что резко уменьшаюсь в размерах и что меня окутывает знакомая белая дымка. Когда я открыла глаза, пол был куда ближе, чем раньше. Звук стали громче, тени почти растворились, воздух наполнился новыми запахами – затхлостью земли, резким привкусом металла, ароматом дыма, еще висевшим в воздухе. В мутном отражении на пьедестале статуи я разглядела остроносую мордочку, золотистые глаза и пушистый хвост с белым кончиком, обвившийся вокруг лап.

Учитель Исао не одобрял мои превращения в лису. «Ты человек, – твердил он. – Да, ты кицунэ, но быть Юмеко куда сложнее, чем быть лисой. Если проведешь в теле зверя слишком много времени, однажды позабудешь, что значит быть человеком».

Я не до конца понимала, о чем говорит учитель, но в тот момент это было неважно. Опустив голову, я скользнула в дыру, проползла под полом и выскочила из-под веранды. Убедившись, что поблизости нет монахов и в особенности учителя Исао, я поспешила в сад, к старому клену, растущему у храмовой ограды. Лисьи лапы двигались проворно

и ловко, кора дерева была неровной, и потому я легко вскарабкалась на клен, перескочила через ограду и скрылась в прохладной лесной тиши.

Вечером я сидела на плоском камне у любимого пруда, опустив ноги в воду, и думала, что же делать дальше. Над зеркальной гладью проносились стрекозы, рядом лениво плавала усатая рыба и время от времени тыкалась мордой в мои пальцы, снова ставшие человеческими. Солнце нагрело камень, а легкий ветерок шелестел в бамбуковых зарослях, окружавших пруд. Это место помогало забыть обо всех бедах, и я часто приходила сюда, когда жизнь в храме становилась совсем уж невыносимой – или когда пряталась от Дэнги. Обычно вода, ветерок и рыбы в пруду мгновенно спасали меня от тревог. Но сегодня я не могла выбросить из головы услышанное в храме.

Лишить меня магии? Вот просто взять и лишить? Сделать так, чтобы я не могла больше создавать иллюзии, менять форму, призывать лисий огонь? Нет, это уж слишком. Мои выходки были безобидными, за все время от них пострадала разве что гордость Дэнги. Ну и, может быть, парочка раздвижных дверей.

Я взглянула на свое отражение в воде. На меня смотрела девушка с острыми ушками, желтыми глазами и пушистым хвостом, оббившим ее ноги. «В девчонке больше лисьего, чем человеческого, – в гневе выкрикнул Дэнга, выбегая

из зала. – Природа ёкая в ней затмевает людскую».

– Это ложь, – сообщила я кицунэ, глядящей на меня из воды. – Во мне по-прежнему куда больше человеческого. По крайней мере, я так думаю.

– Разговариваешь сама с собой, лисенок?

Я подняла глаза. Пруд медленно огибала невысокая пожилая женщина. Платье у нее было поношенное, на голове – широкополая соломенная шляпа, а на ногах – тонувшие в траве деревянные сандалии на высокой подошве. Узловатой рукой она придерживала на плече бамбуковую удочку, а в другой несла веревку, на которой висело несколько мелких рыбешек. Из-под шляпы смотрели ярко-желтые глаза.

Я улыбнулась.

– Добрый вечер, Тануки-баба¹², – вежливо поздоровалась я. – Что вы тут делаете?

Старушка фыркнула и подняла связку рыбешек.

– Цветы сажаю, ты что, не видишь?

Я озадаченно нахмурилась.

– Но... это же рыба. Зачем вам вообще сажать цветы, Тануки-баба? Вы же их не едите.

– Вот именно. Некоторым из нас приходится хорошенечко потрудиться, чтобы добыть еду, в отличие от избалованных наивных полукровок, которых я уж не буду называть по имени. – Она взглянула на меня из-под шляпы, изогнув тонкую седую бровь. – А вот *ты* что тут делаешь, да еще так

¹² Уважительное обращение к пожилой женщине.

поздно, лисенок? Эти твои люди не шибко любят, когда ты слоняешься по лесу. – Она хихикнула, и во рту у нее сверкнули желтые зубы. – Что, Дэнга-сан вновь вышел на тропу войны? Ты опять превратила кошку в чайник?

– Нет, такого я уже давно не делала – кошка царапается, когда я пытаюсь положить лист ей на голову. Но... – Меня охватила дрожь, и я сцепила руки. Нагретый солнцем камень вдруг показался ледяным. – Дэнга-сан очень рассердился, – поведала я. – В жизни не видела его таким. Он сказал, что во мне больше от ёкая, чем от человека, и что учитель Исао должен отнять у меня волшебную силу. Что, если учитель Исао его послушает? Что, если меня и впрямь лишат магии? Я... – Я запнулась, и все внутри у меня сжалось. – Я и представить себе не могу, каково это – жить без магии. Уж лучше бы мне отрезали пальцы или глаза выкололи. Если меня лишат волшебства, что со мной будет?

Тануки-баба фыркнула.

– Пойдем, – позвала она, указав на тропу концом своей удочки. – Угощу тебя чаем.

Я соскочила с камня и последовала за сгорбленной фигурой, которая повела меня по узкой извилистой тропе через бамбуковый лес. Удочка тихонько постукивала ее по плечу, а из-под платья то и дело высывался кончик коричневого хвоста. Я сделала вид, что не замечаю его, зная, что и Тануки-баба притворяется, будто не видит моих ушей и хвоста. Таков был негласный закон ёкаев: они не привлекали внима-

ния к своей... «ёкайности» во избежание слежки, травли или проклятий. Впрочем, Тануки-баба я не боялась. Со мной она всегда обращалась радушно, как с родной внучкой, любила рассказывать захватывающие, а порой и жуткие истории о том, какие фокусы проделывала над людьми, когда была еще совсем юной тануки¹³.

Пройдя через заросли бамбука, мы углубились в чащу леса. Здесь древние деревья росли так близко друг к другу, что их ветви тесно переплетались, почти закрывая собой солнце. Свет слабыми лучиками пробивался сквозь листья и усеивал землю под ногами пестрыми пятнами, а в воздухе было разлито благоговейное спокойствие. Любопытные кодама, древесные лесные духи, глядели на нас из-за листьев, а некоторые даже скакали за нами вдоль тропы. Их полупрозрачные зеленые тельца были не больше пальца.

Тануки-баба провела меня вдоль знакомого говорливого ручейка, через маленький арочный мост, облепленный мухоморами и древесными грибами, к деревянной лачуге, полностью заросшей мхом. По рассказам Тануки, когда-то давно лачуга принадлежала одному ямабуши, бродячему отшельнику, который искал гармонии и баланса в природе и умел общаться с ками напрямую. Но потом он то ли умер, то ли оставил эти места, так что теперь в его доме поселилась Тануки. Соломенная крыша наполовину обрушилась, а вокруг

¹³ В японской мифологии зверь-оборотень. Чаще всего описывается как енотовидная собака или барсук.

было полно деревьев и кустов, так что если не знать, что здесь кто-то живет, лачугу можно было и не заметить среди зелени. Внутри, как обычно, царил бардак; мусор высокими кучами лежал по углам и вдоль стен.

– Садись, – прорычала Тануки-баба и указала на низкий деревянный стол посреди комнаты – единственное свободное пространство во всем доме. – Сделаю нам чаю – если найду чайник, конечно.

Я заметила три чайника в разных углах лачуги, но промолчала, потому что мои предложения всегда встречались в штыки. Непременно оказывалось, что *тот* чайник не годится, потому что в нем трещина или он грязный – или в нем живет птичья семья. А *нужный* чайник где-то в другом месте, но найти его под силу лишь ей одной. Я присела за маленький столик и стала ждать. Наконец Тануки-баба вытащила из кучи мусора старый и помятый железный чайник с тонким носиком.

– Пустой, – со вздохом объявила она, заглянув внутрь. – Пожалуй, это даже хорошо. В прошлый раз там были мыши. Но зато придется теперь его наполнять. Я скоро вернусь. Ничего тут не трогай, – сказала она и поковыляла за водой.

Я терпеливо ждала и гоняла по столу маленькие огоньки кицунэ-би, а Тануки-баба тем временем набрала воды в чайник, повесила его над жаровней и разожгла угольки. А потом стала деловито кружить по комнате, доставая из кучи мусора то одно, то другое и что-то бормоча себе под нос. Наконец

она вернулась к столу с чайником, двумя чашками со сколотыми краями и подносом, на котором была выложена в ряд пойманная ею рыба, еще сырая и нечищенная.

С шумным вздохом она опустилась на старую, выдавшую виды подушку напротив меня. Потом немного поерзала, устраиваясь поудобнее, сняла шляпу и швырнула ее в угол, где та упала в кучу мусора. Я учтиво опустила глаза, стараясь не смотреть на круглые пушистые уши, торчавшие на седой голове.

– Налей, что ли, чаю, лисенок! – велела Тануки-баба, махнув рукой на чашки и чайник. – Пусть от тебя будет хоть какая-то польза.

Я осторожно разлила зеленоватую жидкость по чашкам и передала одну из них Тануки-бабе. Та с кривой ухмылкой поставила ее перед собой.

– Не возражаешь, если я изменю облик, пока мы едим? – спросила она, поглядывая на поднос с рыбой. – В этом теле проще готовить чай, но у себя дома мне хотелось бы расслабиться.

Я кивнула.

– Само собой, не возражаю, Тануки-баба. Как вам удобнее.

Она фыркнула, вскинула голову и встряхнулась. Ее тут же заволокло плотное облако пыли. Я чихнула и отвернулась, а когда снова посмотрела, напротив меня вместо старухи уже сидело пушистое коричневое создание с черной мордочкой

и пышным хвостом. Я пододвинула ей чашку, и она взяла ее коричневыми лапами и поднесла к узкой морде.

– Так-то гораздо лучше, – проговорила она, с тихим стуком опустила чашку, стащила рыбку с подноса и забросила в пасть, а потом в мгновение ока сгрызла своими острыми желтыми зубами. – Что ж, – продолжила она, пока я отпивала чай. Он оказался чересчур горьким, но говорить об этом было бы невежливо. – Расскажи-ка мне вот что, лисенок. Что ты такое натворила, что эти твои людишки так на тебя обозлились?

Я коротко поведала ей о фокусе со свечами и о том, как он разозлил монахов и особенно Дэнгу-сана. А когда дошла до слов Дэнги о том, что он хочет, чтобы учитель Исао отнял у меня волшебную силу, Тануки-баба оглушительно фыркнула, едва не уронив чашку.

– Нет, это просто смешно! – прорычала она и впилась зубами в последнюю рыбку так сильно, что послышался треск тонких косточек. – Отнять у ёкая волшебную силу, тоже мне! Да о таком и помыслить кощунственно! Нет, ни за что не стала бы связываться с такими дураками.

– Что же мне делать, Тануки-баба?

– Ну, могу сказать, что я бы сделала в подобной ситуации, – проговорила Тануки-баба, и по ее мордочке пробежало коварное выражение. – Но ты, пожалуй, слишком юна для такого смелого шага. И все же решение очевидно, разве не так? Нужно бежать.

– Монахам это ужасно не нравится, – призналась я. – Они всегда очень сердятся, когда я вот так убегаю. Сегодня наверняка устроят мне взбучку.

– Нет, – прорычала Тануки-баба. – Нужно убежать... и уже не возвращаться.

– То есть... навсегда покинуть храм?

– Само собой. – Пожилая ёкай указала на дверь своей ла-чуги. – Ты что, и впрямь думаешь, что храм – это единственное место, где можно поселиться? И что монашеский образ жизни – единственный из возможных? – Она поморщилась. – Лисенок, за стенами монастыря целый мир. Полный чудес, богатств, хаоса и того, что ты себе даже вообразить не можешь. Ты только попусту растрачиваешь свою жизнь и таланты, оставаясь в храме и слушая, как люди бубнят о том, что правильно, а что нет. Кицунэ рождена не для того, чтобы сидеть в клетке. Разве тебе не хочется сбежать из нее и увидеть все, чего тебя лишили?

Слова Тануки-баба вновь всколыхнули во мне тоску по миру за стенами храма, интерес и любопытство. Я и впрямь хотела познать этот мир. Увидеть места, о которых рассказывал учитель Исао, – огромные города и дикие чащи, где еще не ступала нога человека. Побывать в Кин Хейген То-ши, великой золотой столице, взобраться на самую высокую в Ивагото гору, прозванную «Пальцем Бога» – поговаривали, что она достаёт до самого неба! Увидеть купцов и самураев, аристократов и крестьян, гейш и разбойников, ферме-

ров и рыбаков...

Раньше я не обращала особого внимания на такие мысли, но я очень устала от того, что мою волшебную силу вечно норовят ограничить. Оттачивать лисью магию мне разрешалось только под наблюдением монахов, а когда я пользовалась ей, чтобы кого-нибудь разыграть или просто побыстрее закончить с работой, меня всякий раз наказывали. Но если я сбегу и стану по-настоящему свободна, то смогу делать все что захочу!

Но тогда мне придется распрощаться с монахами и с той единственной жизнью, которую я знала. А орден храма Тихих Ветров хоть и отличался малочисленностью, строгостью и закрытостью, но все же дарил мне защиту. А я как-никак просто кицунэ, даже не чистокровный ёкай. Я не была готова к такому смелому решению.

– Я не могу просто так взять и уйти, Тануки-баба, – сказала я сгорбившейся фигуре напротив. – Куда я пойду? Как буду жить?

Тануки-баба сощурилась.

– «Как буду жить?» Что за вопросы? – фыркнула она. – Ты же кицунэ, девочка моя! Пойдешь, куда захочешь. Жить будешь, как тебе самой нравится.

– Но я ведь только наполовину кицунэ, – напомнила я. – И всю свою жизнь прожила с монахами. Я и не знаю, как быть лисой.

– Не знаешь, как быть лисой? – Тануки-баба откинула го-

лову и рассмеялась так, что из пасти брызнула слюна. – Беденькая кицунэ, – ехидно протянула она. – Слишком долго ты прожила с этими людишками – так долго, что заразилась их «человечностью»! – Она с негодованием взглянула на меня. – Пойми, ты *лиса*. Тебе вовсе не нужно учиться быть кицунэ. Ты уже кицунэ.

– Но...

– И не надо мне сказки рассказывать про эту твою «людскую сторону». – Тануки-баба оскалилась, обнажив острые желтые зубы. – Даже капли крови ёкая достаточно для того, чтобы полностью подавить в себе людскую природу, если ты того хочешь. Нужно всего-навсего решиться жить только как кицунэ, а не как человек.

Решиться жить только как кицунэ? Как это? Есть ли для этого особый ритуал? Мне вспомнились слова Дэнги о том, что природа ёкая во мне затмевает людскую природу. Может быть, именно этого боялись монахи? Того, что я превращусь в ногицунэ, злобную дикую лису, обожающую страх и хаос и охотящуюся на людей при любой возможности?

Я с трудом сглотнула.

– Но что, если мне не хочется жить только как кицунэ? – спросила я, и Тануки-баба нахмурилась. – Что если мне нравится быть получеловеком и полулисой?

– Значит, ты просто дурочка, – резко ответила она – И все твои старания впустую. Быть человеком очень трудно, лисенок. Даже у людей это плохо получается. Людской мир по-

лон ненависти, предательств, печали и смерти. Он невыносим для большинства ёкаев и ками. Все, что так ценят люди – любовь, честь, сочувствие, понимание, – нам, ёкаям, совершенно без надобности, ведь оно приводит к страданиям и отчаянию. Куда проще оставить все человеческое и стать кицунэ. Мир духов и ёкаев куда проще мира людей.

– Я не понимаю, Тануки-баба.

– Само собой. – Тануки-баба помотала косматой головой, но ничего объяснять не стала. – Ты еще лисенок и совсем не знаешь мира. Но узнаешь. Непременно узнаешь, если продолжишь попытки удержать в равновесии две свои природы. Со временем ты разберешься, каков на самом деле этот людской мир, и поймешь, что лисой быть куда проще, чем человеком. – Она опустила голову и повела кончиком носа. – Что ж, чашки опустели, рыба вся съедена. Значит, пора спать.

Я встала и поклонилась старой тануки: не стоит спорить с привычками пожилых ёкаев.

– Я пойду домой, – проговорила я, отступая назад. – Монахи, наверное, уже ждут меня со своими нотациями. Спасибо за чай и за разговор, Тануки-баба.

Уже у двери старая тануки окликнула меня. Я обернулась: приземистое пушистое создание сидело посреди огромных куч мусора, и желтые глаза светились в полумраке.

– Лисенок, – проговорила она. – Ты ходишь по краю пропасти. – В ее голосе послышались предостерегающие нотки, но я не понимала, от чего она хочет меня уберечь. – Нахо-

диться на границе между царством духов и царством смертных очень непросто. Но помни, ты всегда можешь отказаться от своего человеческого «я», если станет невмоготу. Для кицунэ – даже если она полукровка – это куда проще, чем стать обычным человеком.

Я по-прежнему не вполне понимала, к чему она клонит, поэтому молча кивнула и вышла, скользнув в сумеречную лесную тишину.

И тут же поняла, что что-то не так.

Пока я сидела у Тануки-бабы, в лесу стемнело и стало пугающе тихо. Затихли птичьи песни и возня мелких животных в траве, а на смену им пришло жуткое безмолвие. Лесные камни исчезли, будто их и не было, и лес стал каким-то безжизненным. Между деревьями сочился новый запах, от которого волосы у меня на затылке встали дыбом. Ядовитый, резкий запах дыма.

Я понеслась через лес мимо оврага, через ручей и заросли бамбука и наконец вернулась к пруду. За серебристо зеленой стеной листвы я увидела ночное небо с бледным полумесяцем и алые всполохи на западе.

Сердце екнуло. Густой черный дым, напоминавший жуткого дракона, поднимался над верхушками деревьев. Он змеился и плыл все выше, застилая собой звезды. Он клубился ровно над тем местом, где стоял...

– Наш храм!

5. Демоны в бамбуковых зарослях

Я был уже близко.

Хотя я отправился в путь верхом, у меня ушло несколько дней на то, чтобы добраться до территории Клана Земли и гор Ниваки, где, как мне сообщили, располагался храм Тихих Ветров. Земледельцы, живущие в долине у лесистых гор, провожали меня удивленными взглядами, пока я ехал мимо распаханых полей и крытых тростником хибарок по извилистой тропе. Двое маленьких детей с явным любопытством побежали за моей лошадью, но когда они уже почти нагнали меня, обеспокоенные взрослые поймали их. Странствующие самураи явно были диковинкой в этих краях, а уж тем более воины Клана Тени, поэтому крестьяне предпочитали держаться от меня подальше. Одет я был в точности как самурай Каге – на мне были штаны хакама и черная рубашка хаори с белым полумесяцем на спине. Снаряжение шиноби я на всякий случай убрал в седельную сумку, хотя воинам тени запрещено было разоблачаться перед чужаками. Я собирался перелезть через стену храма, бесшумно, словно юр-эй¹⁴, если меня не пустят, но пока что притворялся самураем, странствующим в поисках мудрости по святилищам Иваго-то.

Худой крестьянин в рваной одежде и с тряпкой, повязан-

¹⁴ В японской мифологии – призрак умершего человека.

ной на голове, опустил глаза в придорожную грязь и низко поклонился мне, когда я приблизился. Я остановил лошадь и посмотрел на него, точнее, на его лысину.

– Храм Тихих Ветров тут рядом? – тихо спросил я.

– *H-hai*, мой господин! Езжайте прямо по этой дороге, храм будет на самой вершине горы, – торопливо ответил крестьянин, не сводя глаз со своих сандалий. Только плечи его заметно напряглись.

– Спасибо.

Я натянул поводья и поскакал дальше, оставив позади деревушку и углубившись в лес. Дорога делалась все уже, извилистее и опаснее. Судя по всему, монахи из храма гостей не любили и принимали весьма редко. Наверное, им просто нравилось медитировать и заниматься науками в одиночестве, подальше от этого суетного мира, – а может, они что-то прятали и защищали.

Близился вечер. Тени удлинились, а тропа почти пропала из виду, прячась под травой и кустами, словно лес оскорбляло вторжение чужаков. Но меня научили замечать все скрытое и невидимое, и мрак не был мне преградой. Я продолжил путь и проехал мимо зарослей бамбука и высоких деревьев, на которых висела священная веревка, знаменующая, что здесь живут ками.

Хакаимоно восторгнулся в моем сознании. Я остановил лошадь и прислушался, силясь уловить что-нибудь помимо вздохов запыхавшегося животного подо мной. Лес вокруг

был тих и спокоен, тени заволокли почти все, кроме нескольких пестрых пятен закатного солнца.

С предельной осторожностью я слегка ослабил контроль над мечом и ощутил вокруг себя страх и учащенное сердцебиение множества живых существ. Чего они хотели, напасть на нас? Из кустов впереди слышалось негромкое шуршание, и моя лошадь вся напряглась и застыла как вкопанная.

В следующий миг из-за деревьев, треща ветками, выскочило перепуганное стадо оленей и понеслось на меня. Мой пульс мгновенно подскочил, а лошадь с громким ржанием встала на дыбы. Она хотела пуститься вскачь, но я удержался в седле, сжав коленями ее бока и натянув поводья, смог ее остановить. Она дрожала и то и дело фыркала, прижав уши к голове, пока олени проносились мимо нас в лесную чащу. Хакаимоно вспыхнул, и я с усилием усмирил еще и демона внутри себя.

Когда лошадь успокоилась, я тихо вздохнул и вдруг почувствовал в воздухе едва уловимый запах дыма. Присмотревшись, я заметил черный вихрь, поднимающийся над кронами деревьев, и пустил лошадь галопом. Мы неслись по тропе, и в моем сознании жарко пульсировал Хакаимоно, чувствуя приближение кровопролития – и смерти.

Воздух стал мглистым и отчетливо пах горящим деревом. Внутри у меня все сжалось. Подняв глаза, я увидел в небе бледно-красное свечение. Маленькие лесные создания – кролики, белки и другие зверьки – спешили нам навстречу,

торопясь убежать как можно дальше, и моя лошадь, вновь испугавшись, заартачилась. Я с силой ударил ее пятками под ребра, и мы продолжили путь. Я понимал, что ее напугал вовсе не огонь. В лесу ощущалось чье-то присутствие. Но кто бы ни прятался здесь, я никак не мог допустить, чтобы мне помешали исполнить мою миссию. Я должен был достать свиток.

Как только мы добрались до узких полуразрушенных ступенек, ведущих через бамбуковый лес, из кустов, вращаясь, вылетел серп кама и ударил мою лошадь в шею. Животное вскрикнуло и рухнуло на землю, а я, успев выпрыгнуть из седла, откатился в сторону. Еще один серп просвистел у меня над плечом.

Из бамбуковых зарослей высыпала ватага маленьких диких животных. Скалясь и размахивая кинжалами, они обступили лошадь, которая все пыталась подняться на ноги, запрыгнули ей на спину и стали с криками тыкать в нее своим оружием. Смертельно раненное животное в ужасе вскочило и понеслось по тропе вместе с новыми демоническими наездниками, которые крепко схватились за седло. Остальные решительно зашагали мне навстречу.

Аманодзюку? Я ощутил одновременно и изумление, и беспокойство, а Хакаимоно вновь заволновался, почуяв новые смерти. Я уже сталкивался с этими существами, но в куда меньших количествах. Откуда их столько?

Я выхватил Камигороши, когда демоны с криком броси-

лись в атаку. Одним ударом я рассек пополам первую волну нападавших, отправляя их прямым обратным в Дзигоку; тела и головы полетели во все стороны, а воздух огласился истошными воплями. Я выскочил вперед, увернулся от копья, вонзил меч прямо в глаз очередному демону, а другого – обезглавил. А потом оказался в самой гуще аманодзяку, в непроглядном хаосе клыков, когтей и клинков. Неудержимый восторг Хакаимоно разлился по моим венам, и я отдался смертоносной пляске.

Вскоре, испуганно воя от страха и боли, демоны бежали в бамбуковый лес. Их невысокие силуэты быстро пропали из виду. Тяжело дыша, я опустил Камигороши и огляделся, гадая, откуда они взялись и кто их сюда привел. Аманодзяку – мелкие демоны из Дзигоку – никогда не являлись в наш мир по своей воле, но магия, с помощью которой их можно призвать, была крайне опасна и практиковать ее в империи категорически запрещалось. Ключевым компонентом этой магии была кровь. Порой требовались и другие ингредиенты: души, органы, части тела, – но чаще всего нужен был только эликсир жизненной силы, что струится по венам смертных. Чем мощнее и серьезнее заклинание, тем больше проливалось крови.

Опасный нюанс заключается в том, что кровь эта совсем не обязательно должна принадлежать тому, кто произносит заклинание. Дзигоку неважно, кого именно принесут в жертву – мужчину, женщину или ребенка, – главное, чтобы это

был человек и чтобы плата была отдана целиком. Хотя, по известным законам мира зла и порока, чем дороже тебе тот, кто проливает кровь, тем мощнее получалось заклятие. Преданный возлюбленный, брат или ребенок придавал волшебству куда больше силы, чем безымянный чужак. Вот почему в империи темная магия была под запретом, а занятия ей карались смертной казнью. Для того чтобы призвать в людской мир хотя бы одного аманодзяку, нужна была кровь. И я с трудом мог представить, сколько крови понадобилось, чтобы в лесу появилось целое полчище демонов.

Я не знал, *кто именно* призвал демонов, но хорошо понимал *почему*. Спрятав Камигороши в ножны, я поспешил по тропе к храму, надеясь, что еще не поздно.

6. Пламя отчаяния

Храм был охвачен огнем.

Я выскочила из леса. Дыхание сбилось. Я в ужасе смотрела на ярко-оранжевые языки пламени, полыхающие на фоне ночного неба. Изящные крыши четырехэтажных пагод пылали адским огнем и громко трещали, в воздух поднимался запах гари, пепла и горящего дерева. Жар волнами пробегал по моей коже. Я кинулась к задней стене, бессовестно влезла на нее и с глухим стуком спрыгнула в сад.

Кто его поджег? Как посмел? Я слышала немало историй о мире вне храмовых стен, историй о враждующих кланах и суровых, гордых самураях. Историй о воюющих господах даймё и их бесконечных препирательствах, о том, как они объявляли войны из-за ничтожного – а зачастую и надуманного – оскорбления их чести и сталкивали друг с другом целые армии. Но, по словам учителя Исао, даже самые дикие и кровожадные даймё уважали монахов или по меньшей мере боялись навлечь на себя гнев ками, напав на мирный храм.

Но если они знают о свитке, это все меняет.

Раздался истошный вопль, от которого у меня кровь застыла в жилах. Я тут же спряталась за кустом можжевельника. Украдкой выглянув из-за ствола и стараясь не вдыхать горький дым, я впилась ногтями в кору, чтобы не вскрикнуть от ужаса.

В отсветах пламени вокруг пруда приплясывали, невнятно переговариваясь, какие-то странные... существа. Сперва я приняла их за уродливых ребятишек с большими вытянутыми головами; одетые в лохмотья, ростом они едва доходили мне до колена. Но потом заметила рога и острые зубы, рваные уши и выступающие клыки. Кожа у них была крапчатая, синего и красного цвета, а в когтистых руках они сжимали серпы кама, копыя и короткие кинжалы.

Я похолодела. *Демоны? Милостивый Дзинкей, что они здесь делают?* Я видела их на картинках в храмовой библиотеке, этих мерзких красно- или синекожих демонов с рогами, клыками и огромными дубинами, которые мучили души грешников в Дзигоку. На моих глазах они принялись колоть несчастного карпа, который в отчаянии заметался в пруду. Эти создания были поменьше монстров из книг, но я все равно узнала их.

Я ударила кулаком по стволу, чувствуя, как кора впивается в костяшки. Почему демоны напали на храм? Из-за свитка? Но я всегда думала, что адские существа живут лишь ради кровопролития и хаоса и что демонам наплевать на всякие свитки. Если только ими не руководит кто-то – или что-то – еще...

Нет, ничего не понимаю. Нужно поскорее отыскать учителя Исао. Но сперва надо пройти мимо этих демонов.

Я сорвала с можжевельника веточку и, положив ее себе на голову, закружилась вокруг ствола, призывая лисью магию.

Насмешка судьбы: еще днем я жалела, что не могу пользоваться своей волшебной силой почаще. Сердце громко стучало в груди, но я изо всех сил сосредоточилась на том, во что хочу превратиться, а потом отдалась волшебству. Меня заволокло густым дымом, а когда я открыла глаза, кожа у меня уже была красной и крапчатой, а на ногах поблескивали изогнутые желтые когти.

Я глубоко вздохнула и отошла от дерева, и тут один из демонов у пруда поднял голову и заметил меня.

Несколько секунд он смотрел на меня, нахмурившись, и я затаила дыхание в надежде, что он видит именно тот облик, в каком я решила перед ним предстать: такого же демона, как и он сам, краснокожего и отвратительного. Я выдавила из себя улыбку, обнажив кривые клыки, и демон фыркнул и вернулся к увлекательным издевательствам над карпами. Обыкновенно кристально чистая вода в пруду теперь была красной от крови. Оставив несчастную рыбу им на растерзание, я поспешила дальше.

Когда я вышла из сада, то слышала громкий треск и вой пламени; облака золы не раз обожгли мне кожу, пока я спешила мимо обрушившейся пагоды к главному входу, держась поближе к кустам и прячась в тени. Храм обступила куда более многочисленная толпа демонов. Они размахивали факелами и скакали у ступеней, ведущих к главному входу. Я продралась сквозь кусты, и внутри все болезненно сжалось. В нескольких ярдах от меня на земле распласталось мертвое

тело. Из груди несчастного торчало два копья, широко распахнутые глаза ничего не выражали.

Дзин. Я зажала рот обеими руками, чтобы не вскрикнуть. Глаза защипало от слез. Дзин всегда был добр и терпелив ко мне, всегда меня понимал, никогда не выходил из себя и не повышал голоса. А теперь он мертв. Позади него в храмовом двореке виднелась еще пара тел – они лежали в лужах крови, спиной ко мне, и потому в темноте их нельзя было узнать. Но только пока. Я точно знала, что стоит мне подойти поближе – и я сразу пойму, кто это.

Меня била дрожь. Я опустила руки и отвела взгляд от трупов. «Сейчас не время о них горевать, – сказала я себе, борясь с поступающими слезами, – нужно спешить». Я гадала, почему никто из демонов не прорвался внутрь здания, ведь главный вход не защищали даже двери. На моих глазах крупный синий демон издал пронзительный крик, поднял деревянный молот над головой и кинулся к ступеням. Но как только он добрался до лестницы, полыхнула яркая вспышка, и демон отлетел назад, будто врезавшись в каменную стену. Остальные визгливо захохотали.

Мои глаза округлились. Барьер ки? Мне уже доводилось видеть подобное – учитель Исао иногда демонстрировал монахам силу ки, создавая стены, которые невозможно пробить, или окружая какой-нибудь предмет невидимой оградой, чтобы его невозможно было коснуться. Но... защитить целый храм... Это потребовало бы невероятной, просто

нечеловеческой концентрации.

Как же мне проникнуть в храм? Барьер окружает все здание. Если только...

Сердце забилося быстрее. Мастера, в совершенстве владеющие ки и умеющие контролировать эту энергию, способны выбирать, кто может преодолеть защитный купол, а кто — нет. Если учитель Исао узнал о приближении демонов и понял, что меня в храме нет, он наверняка позаботился о том, чтобы я все-таки проникла внутрь. Так ведь?

Сжав зубы, я шагнула вперед из своего убежища, и тут земля задрожала. На храмовый дворик легла дьявольская рогатая тень. Сердце чуть не выскочило у меня из груди. Было отчетливо видно, как чудовище обходит здание, на глазах превращаясь в нечто гигантское и жуткое.

О... бни? Я в страхе отскочила обратно в укрытие и уже оттуда наблюдала, как огромный красный монстр движется ко входу, разбрасывая мелких демонов, стоявших у него на пути. Когда в свете факелов проступили его угрожающие черты, клыки, рога и огромная шипастая дубина, меня прошиб ледяной пот. Вот оно, чудовище из книжек. Один из самых бесславных обитателей Дзигоку, если верить легендам, сущий ночной кошмар, который невозможно остановить. *Зачем... зачем здесь бни? Для чего?*

Глупый вопрос! Я уже знала ответ: он пришел за свитком. *Ох, и почему я не слушала учителя Исао? Он ведь рассказывал об этом свитке, объяснял, почему тот так важен.*

Почему я его не слушала?

Дойдя до верхней ступеньки, бни застыл, вглядываясь в коридор. На плече у него поблескивала дубинка тэцубо, вся в острых шипах. Поигрывая дубиной, он с размаху ударил по невидимому барьеру. С каждым ударом стена вспыхивала. Демоны поменьше сгрудились у его ног, с интересом наблюдая за происходящим. Их красные глаза хищно поблескивали. Они усмехнулись, расправил мощные плечи, и перехватил дубину обеими руками.

Он вновь атаковал защитный купол, и ударная волна, отразившись от невидимой стены, сотрясла деревья и отбросила ватагу маленьких демонов назад. На миг барьер пошатнулся и замерцал, будто мираж, но потом снова стал невидимым. Я вздрогнула, испугавшись, что барьер не выдержит: каждый удар сбивал монахов, мешал им сосредоточиться, а ведь именно концентрация помогала держать оборону. Защита выстояла, но бни опять замахнулся дубиной, а орда демонов захихикала, предвкушая падение стены.

Нужно было срочно пробраться внутрь.

Защити меня, kami! Сделав глубокий вдох, я отошла от кустов и как можно спокойнее пересекла двор, молясь о том, чтобы моя маскировка не исчезла. Несколько демонов хмуро покосились в мою сторону, но большинство не сводили глаз с огромного бни, который вновь со всей силы ударил по невидимой стене. Купол пошатнулся, и по нему побежали серебристые трещины. Я почувствовала, как кровь стынет в

жилах. Долго барьер не продержится.

В попытке обойти бни, я обогнула здание и завернула за угол... только чтобы столкнуться с демоном, спешащим вдоль стены. Его синяя вытянутая голова врезалась мне в живот и вышибла воздух из легких. Удар опрокинул меня на землю, я почувствовала, как контроль над иллюзией слабеет в облаке белого тумана.

Демон тоже отлетел назад. Он потер лоб когтистой рукой, поморщился и посмотрел на меня. Красные глаза изумленно округлились, когда он разглядел не собрата-демона, а девушку с пушистыми ушками и хвостом, сидящую в грязи. Он вскочил и попытался на меня напасть, но я успела увернуться от меча.

Из тени возникли еще двое демонов: один – с копьем, а второй – с парой серпов кама. Заметив меня, они захихикали и бросились в атаку, а синий демон продолжил размахивать своим мечом. Когда рядом со мной оказались все трое, я, застонав от отчаяния, выпустила шар лисьего пламени прямо синему демону в морду.

Он отпрянул от меня с громким шипением, закрыв глаза когтистыми ладонями, будто боясь обжечься. Голубовато-белое пламя ярко блеснуло, а потом исчезло, не причинив ему никакого вреда. Но зато я, выиграв время, успела проскочить мимо демона, на ходу превратившись в лису, и скользнула под веранду. Что-то больно кольнуло меня, когда я преодолевала невидимый барьер – будто все мое тело прон-

зила молния, — но потом вокруг сомкнулась темнота подполья, и я успокоилась. *Наконец-то я в безопасности.*

Я ползла по холодной земле сквозь паутину в поисках шаткой половицы, через которую можно было выбраться к статуе Пророка, и лапы у меня тряслись. Где-то над головой слышалось гроыхание — это они вновь пытался прорваться в храм, и от его ударов на меня то и дело сыпалась пыль, а пауки в страхе убегали со своих паутин.

Впереди забрезжил оранжевый свет и проступил узкий грязный прямоугольник; я поспешила к нему. Протиснувшись между досками, я выбралась на пол просторного зала, неподалеку от статуи Нефритового Пророка, возвышавшейся над моей головой. Я стала озираться в поисках учителя Исао.

Внутри все сжалось. Он сидел у статуи Пророка с безмятежным лицом, сложив руки на коленях и закрыв глаза. Остальные монахи сидели вокруг него, тоже погрузившись в медитацию, но на их лицах поблескивали бусины пота, а брови были нахмурены от предельной сосредоточенности. Всякий раз, когда раздавался удар, кто-то из монахов морщился и сжимал губы или стискивал зубы. Рядом с учителем я заметила Дэнгу, который тоже изо всех сил старался укрепить барьер. Из носа у него текла красная струйка. Брови у него подрагивали от каждого удара, а зубы были крепко сжаты — казалось, он не замечает, что кровь струится по подбородку и капает на ладони.

Я вновь приняла человеческое обличье, и учитель Исао резко открыл глаза и посмотрел прямо на меня. Улыбнувшись так, словно монахи мирно сидели за обеденным столом, а я попросту чуть припозднилась, он жестом подозвал меня к себе.

– Вот ты где, Юмеко-тян. А я тебя жду.

– Учитель Исао! – воскликнула я и подбежала к нему. – Что же нам делать? Они почти пробил защиту. Как нам спастись?

– Никак, – спокойно ответил он, и сердце мое налилось свинцом. – Нам нет спасенья. Мы тут все свою службу уже сослужили. Кроме тебя, Юмеко-тян. Ты должна продолжить наше дело.

Я в ужасе уставилась на него.

– Я не... Я не понимаю, учитель Исао, – шепнула я. – Какое такое дело я должна продолжить? Как?

Я замолкла, заметив, как иссохший монах вытащил что-то из рукава и поднес к свету. Это был простой ящичек из темного лакированного дерева; внутри лежал свиток, перевязанный красной шелковой ленточкой. Я ахнула, взглянув на него.

– Это и есть...

– Возьми, Юмеко-тян, – приказал учитель Исао и протянул мне ящичек. – Он не должен попасть в лапы к демонам. Охраняй его любой ценой. – Новый удар сотряс потолок, и один из монахов шумно втянул носом воздух. Учитель Исао

все не сводил с меня глаз. — Возьми свиток, — повторил он. — И уходи. Беги и не вздумай оглядываться.

Я в ужасе покачала головой.

— Не могу! — шепнула я, а глаза вновь защипало, и в их уголках выступили слезы. — Я не могу вас оставить. Куда мне идти? Я ничего не знаю о внешнем мире. Как же я защищу свиток?

— Лисичка, — грозно произнес учитель Исао, и я удивленно посмотрела на него. Остальные монахи часто звали меня именно так, но учитель никогда не использовал прозвища, связанные с моей истинной природой. — Послушай меня. Я должен рассказать тебе кое-что о твоём прошлом, о чем всегда умалчивал. Когда мы нашли тебя в рыбной корзинке, на твоём одеяльце была прикреплена записка... — Он ненадолго замолчал, и во взгляде у него мелькнуло сожаление — так быстро, что я задумалась: не показалось ли мне. — Так вот, когда я пересказывал тебе содержание этой записки, я кое-что опустил, — признался учитель. — И вот та часть, о которой я не упоминал...

Его слова отдавались у меня в голове странным эхо, будто бы голос долетал откуда-то издалека.

«Смиренные монахи, умоляю вас проявить терпение и не осуждать меня, ибо мне было пророческое видение. Я видела кровь, пламя и смерть, кричащих демонов и реки, полные костей, видела, как мир потемнел от страха. И только одна

лисица воспарила над этим мраком неведимой, а в ее тени был Великий Дракон. Имя ей – Юмеко, дитя грез, ибо она – наш свет надежды во тьме надвигающейся беды».

Я похолодела. Учитель Исао ласково мне улыбнулся и вновь протянул ящичек со свитком.

– Видишь, Юмеко-тян, – проговорил он, – наша судьба уже предсказана. Тот, кто оставил тебя у ворот, знал о том, что случится, как и о том, что тебе суждено сыграть важную роль в четвертом пришествии Дракона.

Утратив дар речи, я уставилась на него, едва разбирая его слова. Звук глухого удара разнесся по залу, и один из монахов с судорожным вздохом рухнул на пол, держась за голову. На лбу учителя Исао впервые проступил пот и заструился по лицу. Я стряхнула с себя оцепенение и схватила его за рукав.

– Но почему? – зашептала я. – Я совсем не готова. Почему именно я?

Его морщинистая рука сжала мою ладонь.

– Потому что справиться с этой задачей можешь лишь ты. Слушай внимательно, Юмеко-тян. – Он сжал мою руку крепче, и сила его пальцев отчего-то придала мне спокойствия. – Мы выполняем нашу миссию не в одиночку, мы не единственные стражи. Свиток охраняет и другой орден из другого храма. Ты должна отправиться туда и предупредить монахов о том, что у нас случилось. Они защитят тебя и Драконью молитву. Это их священный долг.

– Но где их искать?

– Этого я сказать не могу, – признался учитель. – Я и сам не знаю. Это легендарное место, о котором ходит множество мифов и слухов, а где оно находится – теперь уже никто не ведает. Я знаю лишь его название – храм Стального Пера. И то, что оно где-то очень далеко отсюда, – сообщил он. – Однако, – поспешно добавил он, не успела я воспротивиться, – есть один человек, который точно знает, где искать этот храм. Ты должна отправиться в Кин Хейген Тоши, столицу, расположенную в самом сердце земель Клана Солнца. В городе отыщи святилище Хайяте и спроси главного священника, учителя Дзиро. Он и сообщит тебе, где находится храм Стального Пера.

– Учитель... – прошептала я. По щекам у меня струились слезы, внутри все сжималось от страха и невыносимой тоски. – Я не смогу. Я не справлюсь одна.

– Сможешь, – твердо сказал учитель Исао и вновь протянул мне ящичек. – Ты должна. Это моя последняя просьба. Отнеси свиток в храм Стального Пера. Расскажи монахам о том, что здесь случилось, о том, что кто-то хочет вновь соединить фрагменты Драконьей молитвы. Не допусти, чтобы мы погибли напрасно. – Тут зал огласил гул нового удара, и учитель закрыл глаза. – Пообещай мне, Юмеко-тян, что защитишь свиток. От него зависит судьба всей страны.

Я взяла у него свиток и дрожащими пальцами обхватила ящичек. Он оказался на удивление легким.

– Обещаю, – прошептала я. – Клянусь, что найду храм Стального Пера, расскажу обо всем монахам и защищу свиток. Я вас не подведу.

Он улыбнулся.

– И вот это возьми, – добавил он и вложил мне в руку танта – короткий, прямой кинжал. – Он защитит тебя, когда слова и уловки окажутся бессильны. И вот еще что... – С этими словами он набросил мне на плечи фурсики – обычную ткань, в которую заворачивали одежду, подарки и другие вещи. – Надо спрятать твою ношу от окружающих. А теперь иди. – Он кивнул на статую. – Не волнуйся о нас и не плачь. Мы непременно встретимся, Юмеко-тян. На Чистой Земле или в следующей жизни.

Мощный удар, пошатнувший весь храм, расколол барьер. Монахи измученно выдохнули и застонали, схватившись за головы, а пол задрожал. Огромный бони входил в зал вместе с ватагой мелких демонов.

– Уходи, Юмеко-тян, – ледяным тоном приказал учитель Исао. Сохраняя невозмутимость, он поднялся и шагнул навстречу громадному чудовищу, застывшему в дверном проеме. Чувствуя себя полной трусихой, я метнулась за статую Нефритового Пророка. Я понимала, что надо бежать, но не могла отвести глаз от монахов и чудовища. Учитель Исао и остальные спокойно ждали приближения бони. Его жуткие глаза горели во мраке как раскаленные угольки.

Он вошел в зал с улыбкой. У порога ему пришлось при-

гнуть огромную голову, но потом он вновь ее поднял. Его размеры ужасали. Он был таким гигантским, что рога почти царапали потолок.

— Монахи храма Тихих Ветров! — прогремел он, и его жуткий голос сотряс воздух. — Меня зовут Ябурама, я четвертый генерал демонов Дзигоку, и я пришел за Драконьим свитком. — Он вскинул свою дубину и звучно похлопал ей по второй ладони, а мелкие демоны у него за спиной радостно зашипели и захихикали, ожидая сигнала к нападению. — Отдайте мне то, за чем я пришел, и тогда, может быть, умрете без боли.

— Какая мерзость! — воскликнул Дэнга, перекрикнув хихиканье и рычание мелких демонов. Он бесстрашно зашагал вперед и остановился всего в нескольких ярдах от огромного как гора бни. — Мы ни за что не отдадим свиток такому негодяю. Тебе здесь не рады. Именем Нефритового Пророка, заклинаю тебя, уходи и прислужников своих забирай!

Они склонил голову набок. Он размахнулся поразительно быстрым и резким движением и со всей силы ударил Дэнгу дубиной. Монах с жутким треском врезался в колонну и рухнул на пол. Из носа и рта заструилась кровь, а сам Дэнга уставился невидящим взглядом в пространство. Я прикусила губу, чтобы не вскрикнуть, а бни презрительно осклабился.

— Плевать мне на вашего Нефритового Пророка, — процедил он, а демоны разразились хохотом и смело вбежали в зал.

С гневными и яростными криками монахи выскочили

вперед, в центр зала. Никакого оружия при них не было, а вот демоны размахивали копьями и мечами и охотно пускали в ход клыки и когти. Однако монахи не были беззащитны. В них пульсировала энергия ки, превращая кулаки в молоты, а ноги – в смертоносные дубины. Нитору одним ударом пробил демону голову, и в стороны хлынула кровь; безжизненное тело подернулось черно-красным дымом и исчезло. Трое демонов набросились на Сатоши, но он перехватил нацеленное на него копье, вырвал его из рук демона и всадил в его распахнутую пасть. Он не заметил позади врага, и второй демон вонзил ему глубоко в ногу серп кама. Сатоши пошатнулся и рухнул на колени. Монстры накинудись на него и повалили на пол.

– *Юмеко!* – прозвенел у меня в голове голос учителя Исао, вокруг которого потрескивала энергия ки, пока он решительно шел в центр зала навстречу жуткому *они*. – *Уходи, сейчас же!*

Я повернулась к дыре в полу и приготовилась превратиться в лису. Но тут между досками показалась луковицеобразная синяя голова, а потом из дыры вылез демон, а за ним – двое его товарищей. Заметив меня, они зашипели и вскинули копья, и я поспешно отскочила.

Милостивый Дзинкей, я попала в ловушку. Впереди лаз закрывали трое демонов, вернуться в зал, где шла жаркая битва, я тоже не могла. Шум стоял оглушительный; крики и стоны смешивались со вспышками ки, с падением тел, с

кровью. Трое демонов недобро мне улыбнулись и приготовились к атаке, но я вскинула руку, и на ладони зажегся шар голубовато-белого лисьего пламени. Синий демон взглянул на полупрозрачный огонь и усмехнулся. Сердце у меня ушло в пятки. Едва ли трюк с метанием шара кицунэ-би демону в морду и на этот раз сработает.

С громким рычанием огромный бони отлетел назад и врезался в статую Нефритового Пророка, сбив ее с основания. Статуя пошатнулась, а потом рухнула прямо на стену – я едва успела отскочить. Раздался оглушительный треск камня и дерева. Трое аманодзяку оказались погребены заживо под тяжелой фигурой, а из дыры, пробитой в стене, потянуло дымом и гарью.

Я съежилась и спряталась за одной из колонн, а бони потряс головой и поднял взгляд на учителя Исао, стоявшего посреди зала. Монах тяжело дышал, воздев ладони к небу, кровь из-под шапочки струилась по его лицу.

Сидя на обломках статуи, бони утробно зарычал.

– Неплохой удар для смертного, – заметил он, поднимаясь на ноги. – Весьма похвально, вот только тебя это не спасет. Пока мы тут разговариваем, аманодзяку раздирают твою братию на кусочки. В живых никого не оставят. – Он наклонил голову влево, а потом вправо, размял плечи и вскинул дубину. – Пора заканчивать эти игры. Посмотрим, выручит ли тебя ки на этот раз!

Они с рычанием кинулся в атаку. Пока он бежал к центру

зала, размахивая оружием, учитель Исао перевел свой спокойный взгляд на меня. На мгновение наши глаза встретились, и он улыбнулся.

— *Уходи, Юмеко-тян*, — прозвучал у меня в голове его шепот, мягкий и безмятежный. — *Беги*.

На этот раз я не стала ждать, что случится, не стала смотреть, попадет ли удар дубины бони точно в цель или нет. Я резко повернулась и поспешила к дыре, оставшейся после падения статуи, перелезла через сломанные стропила и осколки нефрита, шепотом извинившись перед Пророком, когда случайно наступила на разбитую зеленую руку, и наконец оказалась на улице. Воздух там был горячий и удушливый. Глаза мне застилала слезы, поэтому я, не заметив доску, споткнулась и упала, ободрав руки. Ящичек со свитком вылетел и откатился в сторону, поблескивая в отсветах пламени.

Кровь застыла у меня в жилах. Я схватила свиток и понеслась, спотыкаясь, по саду, мимо пруда, полного мертвых карпов, к старому клену, растущему у стены. Быстро завернув ящичек в фуросики, а танта — сунув под пояс обии, я полезла по сучковатым ветвям, дивясь тому, каким странным и нереальным может казаться столь привычное действие. Действие, которое больше никогда не повторится.

Взобравшись на стену, я бросила прощальный взгляд на мой дом, на храм, где я прожила всю жизнь, и в горле встал ком. Пагода превратилась в объятый пламенем каркас, напо-

минавший скелет, а огонь успел охватить и другие здания, в том числе и главный храм. Я видела только крышу над кронами деревьев, но на моих глазах едва заметное тление в одном углу превратилось в жаркое пламя, которое быстро расползется по зданию и поглотит его без остатка. Мне не хватало духу вообразить, что творится внутри, представить, сколько душ погибло, сколько монахов рассталось с жизнью, отважно защищая храм от демонов. Все, кого я знала, – Дзин, Са-тоши, Нитору, Дэнга, учитель Исао и остальные – умерли. Они погибли добровольно, отдали свою жизнь, чтобы защитить свиток.

Крошечный светящийся шар, совсем бледный на фоне дыма и темноты, поднялся над крышей горящего храма, а за ним – еще и еще один, и вот уже в небо медленно взлетело более дюжины сияющих шариков, оставляя за собой светящийся след. Горло сдавило, и по щекам потекли новые слезы. Ни один из шаров не завис и не остался рядом с храмом – все решительно устремились к звездам. Их ничего не удерживало в этом мире – ни сожаления, ни печали, ни мысли о возмездии. Они были бесконечно свободны.

В груди у меня запылал крошечный голубовато-белый огонек ярости, выжигая отчаяние, и я глубоко вздохнула, прогоняя слезы.

– Я вас не подведу, – пообещала я, глядя, как огоньки медленно уплывают в Мэйдо или на Чистую Землю – или куда там они так стремились. – Если... Если моя судьба и впрямь

такова, я сделаю все, что в моих силах. Не волнуйтесь, учитель Исао и все остальные. Я отыщу храм Стального Пера и защищу свиток. Обещаю.

Мои слова не произвели никакого эффекта на быстро летящие вверх огоньки. Они так и продолжили свой путь в небо, а потом и сами стали не больше звезд, пока вовсе исчезли из виду.

Я быстро заморгала, смахивая слезы.

– *Мирной дороги вам всем. Надеюсь, мы непременно встретимся – в этой жизни или в следующей.*

Мое внимание привлекло странное шипение в саду. Опустив глаза, я встретила взглядом с демоном, который тоже насторожился, увидев меня. Он пронзительно вскрикнул, подавая сигнал тревоги, и вскинул свое оружие, а я быстро соскочила на землю по ту сторону стены и поспешила в лес.

7. Неожиданное предложение

Тропа передо мной исчезла.

Я замер в тени высоких деревьев, прислушиваясь и не убирая ладони с рукояти меча. Я либо сбился с тропы, пока взбегал на гору, либо она неожиданно оборвалась, ибо теперь меня окружал непроглядный лес, темный и густой. Впрочем, не сказать, чтобы это сильно мне помешало: до меня по-прежнему доносился шум пожара, а ветерок, шелестящий ветками, приносил запах дыма и крови. Я шел в правильном направлении.

И боялся того, что увижу, когда доберусь до места.

Впереди послышался шелест листьев, и Камигороши предупреждающе запульсировал, когда кто-то выскочил из темноты прямо на меня. Я рефлекторно выхватил меч и поднес его к лицу нападающего. Тот – вернее, та! – взвизгнула и резко остановилась, а я усилием воли притормозил свои рефлексы. В сознании ярился Хакаимоно, подстрекая меня продолжить начатое движение, омыть лезвие кровью. Но я заглушил эти кровожадные мысли и заставил себя остановиться.

Лезвие замерло в дюйме от ее шеи. Тяжело дыша, я взглянул чуть выше кончика меча и увидел девичье лицо и испуганные черные глаза.

Девушка была примерно моего возраста, может быть,

немного младше. Невысокая, миниатюрная, в коротком красном кимоно с белыми завитушками. Распущенные черные волосы спадали на плечи и спину, а большие темные глаза округлились от ужаса.

Мгновение мы смотрели друг на друга, окутанные бледно-красным светом Камигороши. Лицо у незнакомки было перепачкано золой и сажей, она тяжело дышала, словно до этого долго убегала от пожара, как и лесные жители.

Но тут деревья у нее за спиной громко затрещали, и я понял, от кого она спасалась.

– Назад, – скомандовал я и толкнул ее так, что она оказалась у меня за спиной, и тут из-за деревьев с воем выскочил аманодзяку, размахивая острым серпом. Я выбил изогнутое оружие у него из лап и царапнул его по лицу острием Камигороши, и он с воплем отскочил. Из-за кустов, кромсая когтями и лезвиями все на своем пути, выскакивали новые демоны. Я бросался на них, отсекая им руки и головы, и в воздух то и дело взмывали кровавые фонтаны. Хакаимоно упивался их смертями, а я старался отстраниться от демонической ярости. Я был рукой, управлявшей Камигороши, – не более. И совершенно ничего не чувствовал, отправляя этих существ обратно в Дзигоку.

Расправившись с последним демоном, я смахнул кровь с меча, убрал его в ножны, несмотря на жаркие протесты в моем сознании, и огляделся в поисках девушки.

Она смотрела на меня из-за дерева огромными черными

глазами. Я удивленно повернулся к ней. По правде сказать, я думал, что она убежит, покинет лес, пока демоны отвлеклись на меня. В ее руке блеснула сталь, и я заметил, что незнакомка крепко сжимает танто. Кого она намеревалась атаковать – меня или демонов, – я точно не знал.

– Милостивый Дзинкей, – прошептала она и огляделась, а потом посмотрела на уже начавшую рассеиваться черноту. Глаза у нее ярко блестели. – Ты... это было... – Она замигала и посмотрела на меня. На лице у нее застыло выражение страха и почтения. – Кто ты такой?

Никто. Ничто. Тень на стене, пустая и ничтожная. Я отвернулся, прислушиваясь к треску далекого пожара.

– Беги, – велел я ей, не оглядываясь. – Выбирайся отсюда. Ступай в деревню у подножья горы. Там ты будешь в безопасности.

– Стой! – взмолилась она, когда я зашагал вперед. – Не ходи туда! – воскликнула она, выскочив из-за дерева. – Это слишком опасно. Там полно демонов – целая стая. А еще там бни!

Они. Я прищурился, а Хакаимоно полыхнул небывалым восторгом. С тринадцати лет я убивал опасных ёкаев по заданию Клана Тени, став хозяином Камигороши, которым вот уже много лет никто не владел, но еще ни разу не сталкивался с настоящим бни. По словам моего сенсея, сильнеешие демоны Дзигоку не шли ни в какое сравнение с чудовищами, с которыми я бился до этого. Выносливые, яростные и

поистине неостановимые, способные быстро залечивать собственные раны и переломы и даже отращивать отрубленные конечности с головокружительной скоростью. Таких врагов непросто одолеть даже при помощи Камигороши. Не один убийца демонов погиб во время схваток с óни.

К счастью, они встречались не так часто, поскольку для того, чтобы призвать беспощадного демона из Дзигоку и заставить выполнить свою волю, требовалась невероятная сила. И, судя по всему, тот, кто послал óни в этот лес, как это ни прискорбно, преследовал те же цели, что и я. Госпожа Ханшу не объяснила мне, зачем ей этот свиток, а я был не вправе спрашивать. Моя миссия состояла в том, чтобы добыть его вопреки любым препятствиям.

– А где именно этот óни? – спросил я у девушки, все еще чувствуя на спине ее взгляд.

– В храме, – ответила она немного глухим голосом. – На вершине горы. Он убил всех, кто там жил, и поджег здание. Не пощадил никого.

Новость была удручающая. Если демоны напали на храм и разрушили его до основания, значит, свитка там уже нет. Он уничтожен или попал в лапы к óни. Сжав челюсти, я решительно углубился в чащу. Нужно было проверить, на месте ли свиток и можно ли его забрать. И если óни и впрямь успел забрать его, я сражусь с ним и отниму артефакт – или погибну в бою.

– *Baka*¹⁵! – Кто-то схватил меня за край рубашки и дернул, заставив остановиться. Я развернулся, еле удержавшись от того, чтобы выхватить Камигороши и рассечь моего обидчика надвое. – Ты что, не понял? – спросила девушка с огромными от страха глазами. – В той стороне – целая армия демонов и óни! Если отправишься в храм, они убьют тебя, как убили остальных!

Глаза у нее увлажнились, по щеке потекла слеза. И вдруг я все понял.

– Так ты прибежала из храма, – заключил я. – Ты своими глазами все видела.

Она кивнула, утираясь грязным рукавом.

– Погибли все, – шепнула она. – Я еле унесла ноги. Мой учитель принес себя в жертву ради меня. Он сам вышел против óни, хотя понимал, что его убьют.

– А зачем пришли демоны? – спросил я, внимательно глядя на незнакомку. Если она из храма, то, вероятно, знает о свитке, а возможно, и о том, где именно он хранится. – Почему на вас напали? – не сдавался я. – Они забрали что-нибудь?

На мгновение она замялась. Щеки побледнели, а темные глаза уставились на меня. Отчего-то от ее взгляда по коже пробежал холодок, и я поспешил отвести глаза.

– Не знаю, – призналась она. – Не знаю, зачем они приходили и чего хотели. Знаю только, что храм разрушен и что

¹⁵ Дурак (яп.).

демоны убили всех, кого я любила. И что если ты туда пойдешь, тебя тоже убьют. — Она немного помолчала, а потом протянула руку, словно решившись на что-то. — Пойдем со мной, — предложила она, к моему изумлению, — пока нас не нашли демоны. Не могу... не хочу сейчас оставаться одна. Давай дойдем до деревни и там решим, что делать дальше.

— Нет, — отрезал я, отступив от нее. — Ты беги. Уходи из леса. У меня в храме дела. Я должен кое в чем убедиться.

— Что? — Она изумленно поглядела на меня, а я развернулся и пошел к храму. — Ты шутишь, да? Что там такого важного, ради чего ты готов рискнуть собственной головой, которую с радостью оторвет бони? Стой!

За спиной у меня послышались торопливые шаги. Я вновь обернулся, выхватив Камигороши, и моя преследовательница тут же застыла и с испугом подняла взгляд на лезвие.

— Не ходи за мной, — велел я. — Ступай в деревню. Предупреди жителей о нападении. Забудь обо всем, что здесь видела. — Спрятав меч в ножны, я шагнул в темноту, спеша к храму, торопясь вступить в битву, которая ждала меня на вершине горы. — Что будет дальше — не твое дело.

— Свитка там больше нет.

Я застыл на месте, а затем медленно обернулся. Девушка стояла на прежнем месте и смотрела на меня настороженно и почти дерзко, стиснув зубы.

— Свиток ты там не найдешь, — повторила она, чтобы не оставалось никаких сомнений. — Его в храме больше нет.

– А где он?

Она снова запнулась. Выхватив меч из ножен, я пошел к ней. Лицо ее резко побледнело, она попятилась, но наткнулась спиной на дерево.

– Не знаю, – начала она и застыла, когда я вновь приставил кончик Камигороши ей к горлу. – Подожди, прошу! Ты не понимаешь!

– Где свиток? – вновь спросил я, шагнув ближе. – Говори, а не то я тебя убью.

– Пропал! – выпалила девушка. – Его больше нет в храме. Учитель Исао... Он предчувствовал появление демонов. Он знал, что им нужен свиток, и потому отправил его куда-то... Н-не... несколько дней назад.

– Куда?

– Не знаю!

Я повернул меч так, что его кончик уперся ей в кожу чуть ниже подбородка, и она судорожно схватила ртом воздух.

– Честное слово, не знаю! – повторила она и отвела голову назад, спасаясь от меча. – Учитель Исао не сказал мне, где свиток. Но... я знаю того, кто в курсе.

– Кого?

Она замолчала, глядя на меня черными глазами поверх лезвия. И вновь от ощущения ее присутствия по коже пробежали странные мурашки.

– Откуда мне знать, что ты меня не убьешь, если я скажу?

– Даю слово, – пообещал я. – Слово чести. Если ты мне

все расскажешь, я оставлю тебя в живых.

Она осторожно покачала головой.

– Мне этого мало, самурай, – произнесла она, и я нахмурился. Клятва воина считалась совершенно бесспорной, ведь воинская честь не допускала предательств, и сомнения в этом были просто оскорбительны. Самурай, нарушивший клятву, навлекал на себя такой позор, что единственным выходом оставалось сэппуку.

Конечно, я был шиноби, воином тени, и следовал иному кодексу, нежели самураи. Мы действовали под покровом мрака и выполняли такие задания, которые заставили бы любого достопочтенного самурая поморщиться от ужаса и отвращения. Но девушка этого не знала.

Она все смотрела на меня, прижавшись спиной и затылком к стволу дерева и вскинув подбородок как можно выше, чтобы избежать смертельного прикосновения лезвия к горлу. Я крепко стиснул меч в руках и попытался погасить его пыл в моем сознании, ибо Хакаимоно жаждал, чтобы я убил эту наглую простолюдинку.

– Можешь меня убить, – проговорила она, – но тогда ты так и не найдешь то, что ищешь. – Я сощурился, и она вздрогнула под моим взглядом. Казалось, храбрость на миг оставила ее, но потом она сделала глубокий вдох и снова посмотрела мне в глаза. – У меня к тебе... предложение, – сообщила она. – Так что прежде чем отрубить мне голову, послушай меня, пожалуйста. Демоны начнут охоту на меня.

Как только они поймут, что свитка в храме нет, они меня выследят. Сейчас свиток на пути в другой храм, в тайное убежище, которое находится далеко-далеко отсюда. Мне нужно добраться до этого храма и предупредить местных монахов о нападении демонов. Я обещала это учителю.

– Но ты ведь не знаешь, где этот храм, – заметил я.

– Верно, – подтвердила она. – Не знаю. Но учитель Исао сообщил мне имя человека, который знает. Это священник, он живет в Кин Хейген Тоши. Ему известно месторасположение этого храма, и он расскажет, как его найти. Но я едва ли смогу добраться туда в одиночку. Я не справлюсь с целой ватагой демонов. – Она оценивающе посмотрела на меня, и я понял, к чему она клонит. – Но... *ты* с демонами справляешься весьма неплохо. Если ты... отправишься со мной и будешь защищать меня во время нашего путешествия, тогда... – Голос ее затих, но произнесенные слова повисли в воздухе, и не уловить их смысла было просто невозможно.

Тогда она приведет меня к свитку.

Я задумался. Клан, само собой, в восторге не будет. Как убийца демонов Каге и хозяин Камигороши, я не должен был иметь продолжительные контакты с теми, кто не входил в Клан Тени. На то были двоякие причины. Семейство Каге бережно хранило свои тайны. Наши шиноби были лучшими в стране и обладали талантами, неизвестными остальному миру. Мы были близки к теням, и это отражалось на тех из нас, кто был одарен ками, потому что мы говорили на язы-

ке тьмы и неведомого. Клан Тени оберегал свои секреты и охотно убивал чужаков, которым удавалось узнать слишком много. И потому простолюдинка, путешествующая вместе с убийцей демонов Каге, вызвала бы немало подозрений.

Но не менее веской причиной был и я сам. Мне особенно яро запрещали общаться с чужаками, потому что я представлял серьезную опасность, ведь мог в любой момент покориться демону меча. Особенно опасны в моем случае были эмоции, потому что благодаря им Хакаимоно проникал ко мне в душу. Гнев, страх, неуверенность – чем сильнее было чувство, тем ближе демон подбирался к тому, чтобы поработить своего хозяина. Меня не раз предупреждали о том, что едва Хакаимоно возьмет надо мной верх, пути назад уже не будет. Мне пророчили, что я стану чудовищем и у Клана не будет иного выбора, кроме как лишить меня жизни.

Но меня отправила на задание даймё Клана Тени сама госпожа Ханшу. Я поклялся, что заберу свиток, и от меня ждали повиновения любой ценой, пусть даже ценой моей собственной жизни – или жизни кого-то из окружающих. Неудачу мне бы ни за что не простили.

– Ну что, по рукам? – спросила девушка.

8. Два путника

Незнакомец задумчиво молчал. Мы стояли близко друг к другу, и я видела черты его лица – высокие скулы, полные губы, шрам, тянувшийся от самого лба до переносицы. И глаза... фиолетовые, яркие, цвета ириса. Когда я смотрела в них, по спине пробежали мурашки. Взгляд у него был пустой, в нем не читалось никаких эмоций, никакого сочувствия или понимания. В них нельзя было разглядеть душу. Никогда прежде я еще никого не боялась. Несмотря на многочисленные угрозы и наказания Дэнги-сана, в глубине души я всегда помнила о том, что монахи храма Тихих Ветров никогда не причинят мне зла. Но этот юноша, с виду совсем молодой, с личиком ангела, смотрел так, что ошибиться было невозможно. Смотрел, как настоящий убийца.

И все же этот бездушный убийца был моим единственным шансом добраться до храма Стального Пера живой. Сердце бешено заколотилось от этой мысли, но, понаблюдав за тем, как незнакомец расправляется с аманодзяку, как легко побеждает их, в голове у меня возникла идея – безумная, рискованная, пожалуй, чересчур опасная. Демоны наверняка отправятся за мной в погоню, как только поймут, что свитка в храме нет. Скорее всего, они начнут охоту на меня, и как бы мне ни хотелось отомстить за учителя Исао и остальных, тягаться с этим отвратительным чудовищем я была не в силах.

Меня била дрожь, в груди затянулся болезненный узел. Я никак не могла поверить, что их больше нет. Что еще сегодня днем я зажигала в зале свечи и мечтала очутиться как можно дальше от храма. Я ведь никогда не бывала за пределами леса. Я не знала, куда идти, как разговаривать с людьми. Всю свою жизнь я общалась лишь с монахами, ками и странным ёкаем в лесу. А теперь мне предстояло отнести свиток в храм Стального Пера, как я и обещала учителю Исао, но я понятия не имела, как туда добраться и что делать при встрече с демонами.

Но... этот человек был способен их убивать. Так легко и играючи. Быть может, он не менее опасен, чем чудовища. И если он станет меня защищать, любому демону, ёкаю или кровожадному человеку, жаждущему заполучить свиток, сперва придется сразиться с ним.

Оставалась одна маленькая проблема.

Он тоже искал Драконью молитву. И не важно, по чужому ли заданию, как и демоны, или по доброй воле. Я почувствовала прикосновение узкого лакированного ящика, спрятанного под фуросики, которой я обмотала плечо, и сердце громко заколотилось. Если он узнает, что свиток у меня, меня ждет такая же жуткая смерть, какой умерли демоны, рассеявшиеся по ветру. Придется соблюдать предельную осторожность и действовать с умом, иначе мой возможный защитник станет моим главным врагом.

На мгновение меня посетила отрезвляющая мысль о том,

что учитель Исао ни за что не одобрил бы моей лжи, того обманного маневра, при помощи которого я заставила этого юношу сопровождать меня до храма Стального Пера. Дэнга непременно назвал бы это очередной лисьей уловкой и обманом. Но воин из меня никудышный, я не умела рубить врагов на куски мечом, а о внешнем мире знала лишь по рассказам монахов. Мой храм разрушили до основания, мою семью перебили у меня на глазах, а мне самой поручили почти невыполнимое задание, о котором монахи, судя по всему, знали еще с тех самых пор, как я появилась в храме. То самое предсказание пробуждало во мне непонятные чувства, но мне страшно хотелось одного – закопаться в глубокой норе и не высовываться наружу. Я понимала, что одной мне не справиться, а помощников у меня не было. Как сказала старая тануки сегодня вечером, я кицунэ, ёкай. Не человек. Вот и все мои умения.

Я неотрывно смотрела в глаза незнакомца, который обдумывал мое предложение, и видела, что внутри у него происходит борьба. Наконец он кивнул и отступил от дерева, убрав от моей шеи свой жуткий меч.

– Хорошо, – проговорил он. – Если это единственный способ добраться до свитка, я провожу тебя в столицу, а потом и в храм Стального Пера. Но... – Он сощурился и ледяным взглядом посмотрел на меня, а затем вскинул меч, и отблеск луны пробежал по длинному лезвию. – ...Но если ты меня обманешь или попытаешься сбежать, я тебя убью. Поняла?

Я кивнула, стараясь не обращать внимания на волну страха, накатившую на меня вместе с облегчением. Нет, я вовсе не планировала от него убежать, но что-то подсказывало, что этот человек пустыми угрозами не разбрасывается. Со вздохом юноша наконец убрал меч в ножны, и его бледный огонек погас, погружая нас во тьму.

– Пешком до столицы идти несколько недель, – спокойно и деловито сообщил он, отступив назад. – Моя лошадь сегодня вечером убежала, так что нам придется пройтись, во всяком случае, пока я не найду новую. Ты как, готова к путешествию? Все необходимое при тебе?

– Да, – кивнула я. У меня, как у воспитанницы аскетичных монахов, всегда было мало вещей, к тому же все мои скудные пожитки уже наверняка рассыпались золой и пеплом. У меня были сандалии, небольшой узел с одеждой за спиной, нож, а под фурсики – кусочек свитка, обладающий безграничной силой и способный исполнить любое желание. Этого мне должно было хватить.

– Я так понимаю, дорожных документов у тебя нет? – осведомился юноша.

Я непонимающе нахмурилась.

– Нет. А что это такое?

– Ну... – Он покачал головой. – Забудь, – пробормотал он. – Сейчас это все равно не исправишь. Будут проблемы – решим их на месте.

– Ано, – добавила я, когда он отвернулся. – А как тебя

зовут?

Он замешкался с ответом, но потом проговорил тихим, ничего не выражающим голосом:

– Каге Тацуми.

Каге. Семейство Каге иначе называли Кланом Тени, и оно хранило множество секретов и тайных знаний, насколько мне было известно. Загадочный юноша с ледяным взглядом очень подходил под это описание.

– А я – Юмеко, – представилась я и попыталась улыбнуться, хотя он вряд ли это заметил, потому что стоял ко мне спиной. – Спасибо, что согласился проводить меня до столицы, Тацуми-сан. Ну и за то, что спас от демонов.

Он никак не отреагировал на мои слова. Шепнув мне «Пойдем», он шагнул вперед и исчез во мраке, будто слившись с самой ночью воедино. Я вновь взглянула на небо, на дым и искры, все еще видневшиеся над деревьями и знаменующие конец прежней жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.